

Протопресвитер Виталий Боровой: Проповеди на пассиях в Богоявленском патриаршем соборе (Москва, 1977 год)

Проповедь

ПЕРВАЯ ПАССИЯ

ВО ИМЯ ОТЦА И СЫНА И СВЯТОГО ДУХА! Дорогие братья и сестры! Милостью Божией совершили мы сегодня нашу первую пассию в этом году. Как нам известно, слово «пассия» означает «страдание». Это специальная служба, посвященная страстям, страданиям Господа нашего Иисуса Христа. Как мы все знаем, эта служба, т. е. начало ее, возникновение ее, имело место на западных окраинах страны - в Белоруссии и на Украине, народ которых «во время оно», в XVI, XVII, XVIII веках, находился под властью католической Польши и претерпевал гонения за свою национальность, за свою веру, находился в опасности лишиться своей веры, своего языка, своей национальности. И вот тогда Святая Церковь в дни Великого поста, чтобы воодушевить русский православный народ на стояние за свою веру и за свою национальность, в тяжелых обстоятельствах гонения, выносила в воскресные дни вечером на середину церкви Крест как символ страдания Господа нашего Иисуса Христа. Затем читалось «страстное» Евангелие, т.е. Евангелие страстей, страданий Господа Иисуса Христа - и произносилось слово поучения о том, что Господь страдал, и верующим в Него, Своим последователям, велел страдать, чтобы быть стойкими в своей вере, верными своему народу, своему прошлому. Потом эта служба распространилась на всю русскую Церковь, и сейчас мы с вами тоже совершаем ее. Дорогие братья и сестры! Служба пассия, служба страданиям Господа нашего Иисуса Христа перед нашим мысленным духовным взором во всей трагической глубине ставит вопрос о страдании: о страдании людей, о страдании мира на протяжении всей истории человечества, особенно о страдании Церкви Христовой на протяжении всей ее истории. Вопрос о страданиях - один из самых тяжелых, самых трудных вопросов нашей совести и нашего понимания миробытия. В самом деле, совесть человеческая при виде бесчисленных страданий невинных людей, взять хотя бы страдания людей в последнюю войну, совесть каждого человека ставит вопрос: какой смысл в этих страданиях? Если Бог - Любовь, если Бог милосерден, если Бог - Мир, почему допускаются страдания? Или Бог не всемогущ, или это не Его власть, или Бог допускает страдания людей для того, чтобы в конечном мировом балансе, в конечном итоге всемирной истории это привело к добру? Тогда как же чувствуют себя люди, которые страдают, сознавая, что они приносятся в жертву какому-то неизвестному для них будущему, когда будет будто бы хорошо? Дорогие братья и сестры! Церковь Божия, само Христово Благовестие, дело Христа отвечает на этот трагический, но вполне законный вопрос нашей возмущенной и мятущейся совести, отвечает страданиями Бога. Бог сошел на землю, разделил и разделяет страдания. И в этом самый высокий, самый благородный смысл страданий Христовых. Божественный прорыв в историю страждущего человечества привел Бога к страданию и смерти крестной, чтобы показать людям, что через страдания, которые являются естественным последствием их грехопадения, естественным последствием грехов и беззаконий самих людей, что через страдания эти люди обретают высший смысл в жизни, высший смысл своего бытия и конечной победы. Апостол Павел говорит об этом так в Послании к колоссянам (он в это время находился в темнице): «Ныне радуюсь в страданиях моих за вас и восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых за Тело Его, которое есть Церковь» (Кол 1: 24). Таким образом, по мысли и учению апостола Павла, Господь наш Иисус Христос пострадал за людей, искупил их от греха, проклятия и смерти, основал на земле Церковь Свою, которая

есть Тело Его и которая с первых веков продолжает страдания Его. Апостол и все последующие христиане страданием своим как бы восполняют, как бы дополняют страдания Христа за Тело Его, которое есть Церковь. Искушенная Кровью Христовой Церковь, Невеста Непорочная, в исторических условиях человеческого греха, окруженная этим грехом и злобой человеческой, продолжает через страдания совершенствоваться до тех пор, когда, как говорит апостол, «будет Бог все во всем» (1 Кор 15: 28). Христос разделит страдания людей, и мы, люди, верующие в Него, разделяем свои страдания с Его страданиями. Апостол говорит: «Я сораспялся Христу, и уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал 2: 19, 20). Это всецелое соединение со Христом предполагает участие в страданиях Его, но предполагает и участие в славе Его, предполагает участие в смерти Его, но предполагает и участие в Воскресении Его. Таким образом, с христианской точки зрения, страдание не есть бессмысленность, оно не имеет цены само в себе. Страдание -это самое жестокое и нелепое, что может быть и бывает в человеческой истории. Но страдание, по учению Христа, по учению Святой Церкви, ведет к преобразению человека, к преобразению мира, ведет человека, Церковь по пути славы, к воскресению и бессмертию, к жизни вечной. И только тогда страдание обретает свой смысл и свое назначение, только тогда оно облагораживает, возвышает человека. Только тогда человек находит в себе силу перенести любые муки, любые поношения, любые гонения. Только тогда мы можем сказать вместе с апостолом Павлом: «Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонения, или голод, или нагота, или опасность, или меч? как написано: »За Тебя умерщвляют нас всякий день; считают нас за овец, обреченных на заклание". Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас". Ибо никто не может «отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим 8: 35-37, 39). Мы все знаем, что Бог есть Любовь, поэтому апостол Павел говорит: «Любовь Христова объемлет нас, рассуждающих так: если один умер, то все умерли, ...чтобы живущие уже не для себя жили, но для умершего за них и воскресшего» (2 Кор 5: 14-15). Ибо Господь говорил о Себе, имея в виду Свою крестную смерть: «Когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе», и евангелист Иоанн пишет: «Сие говорил Он, давая разуметь, какой смертью Он умрет» (Ин 12: 32, 33). И это дает нам, христианам, Церкви Божией, силу стоять веками, независимо ни от каких условий -ни от того, где и как живет Церковь Божия, ни от того, где и как живут верующие христиане. Веками Церковь Божия, веками верующие христиане вели борьбу с грехом, со злом, и веками мир ополчался на них, и апостол Павел говорит о нас с вами, о себе, о всех христианах, о всей Церкви Божией: «...Притесняемы, но не стеснены; мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся; мы гонимы, но не оставлены; низлагаемы, но не погибаем. Всегда носим в теле мертвость Господа Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в теле нашем... Нас почитают умершими, но вот, мы живы; нас наказывают, но мы не умираем; нас огорчают, а мы всегда радуемся; мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем. ...Я исполнен утешением, преизобилую радостью, при всей скорби нашей» (2 Кор 4: 8-10; 6: 9-10; 7: 4). Дорогие братья и сестры! Это не просто случайность, в этом есть глубокий смысл и промысел Божий, что во время Великого поста, совершая наши пассии, т. е. воспоминания страданий Христа, и укрепляя твердость веры в страдания Христа, мы вместе с тем утверждаем силу свою и торжество свое. Ибо мы на прошлой неделе праздновали торжество Православия, несмотря на все стесненные обстоятельства, несмотря на все страдания, которые претерпел Христос и с тем Церковь Божия на протяжении веков, и, несмотря на всю слабость и ничтожность на этой земле, несмотря на всю греховность и беззакония наши, мы смеем с великой верой и дерзновением утверждать в эту неделю Православия, и это звучит в наших сердцах вечно, что мы имеем веру, и «сия есть вера апостольская, сия есть вера отеческая, сия есть вера православная, сия вера Вселенную утверди». Дорогие братья и сестры! Вот здесь этот мотив, с одной стороны, страдания и бессилие наше по грехам и историческим условиям существования, а с другой, уверенность в конечной победе Правды Божией, Истины Божией, уверенность в том, что мы имеем, содержим в себе веру апостольскую, веру отеческую, веру, которая утвердила всю Вселенную. Это два величайших мотива, которые постоянно

переплетаются в жизни нашей, которые органически соединены. И мы -бессильны, и мы страдаем по образу Господа нашего Иисуса Христа. Мы за грехи наши страдаем. Но вместе с тем мы -носители истины Божией, которая побеждает и победит мир. Дорогие братья и сестры! На четырех предстоящих пастырях мы с вами, если Богу будет угодно, будем продолжать встречи и по очереди рассмотрим все, что мы утверждаем, что понимаем под торжеством, уверенностью в победе, когда говорим, что вера наша апостольская, вера наша отеческая, православная, вера наша «Вселенную утверди».Сегодня, во время первой пастыри, мы кратко остановимся на том, что мы утверждаем, когда говорим, что вера наша -апостольская. Как вы знаете, Господь наш Иисус Христос родился, если иметь в виду социальный смысл, в бедной среде, среди народа, который был мало известен, который был угнетен и унижен. Жизнь Свою Христос проводил в таких условиях, что сведений о Нем быть не могло, поскольку тогда не существовало того, что мы называем средствами массовой информации, которыми сейчас может освещаться жизнь каждого, даже ничтожного человека. Тогда о Господе Иисусе Христе знали только ближайшие Его ученики. Они были свидетелями Его жизни, Его чудес, Его дела, Его учения. Они складывали это в сердце своем. И к тому же они сами на первых порах были боязливы, еще не вполне уверены в том, что из этого выйдет. Помните, когда Господь явился после Воскресения Своего Луке и Клеопе, когда они шли в Эммаус, то Он спросил, о чем они разговаривают, о чем они рассуждают. Ученики сказали: «Об Иисусе Назарянине. Разве Ты не слышал, разве Ты только сейчас пришел в Иерусалим?» И когда они беседовали, ими было сказано: «А мы было надеялись, что Он есть Тот, Который должен избавить Израиль» (Лк 24: 13-21). Значит, у них уже этой веры не было. Они «надеялись было», они думали, что Он -Тот, Который спасет Израиль. Таким образом, даже те ученики, которые были с Ним, которые все видели, все слышали, были свидетелями Его, даже они в ту пору не имели уверенности, что это -Сын Божий, воплотившийся Бог, Спаситель. И только в Пятидесятницу, только с сошествием Святого Духа они получили твердую уверенность в том, что Иисус есть Христос, Мессия. Иоанн Богослов и Левий Матфей были в числе двенадцати апостолов, Марк и Лука -не были. То свидетельство, которое было, особенно то предание, которое жило в первой общине, -именно оно отражено в Евангелии. В послании апостол пишет далеко не полно, ибо Евангелия и апостольские послания были писаны не всеми апостолами. И его целью было не представить все учение, а показать какой-нибудь аспект, какую-либо часть жизни и учения Христа -ту, какую надо было представить апостолу, предназначавшему Евангелие или свое послание для определенной группы людей. И поэтому наши сведения о Господе Иисусе Христе очень и очень неполны, ибо большая часть того, чему учили апостолы, о чем они свидетельствовали, -большая часть этого не написана. Ведь послания есть письма по определенным, конкретным делам. Это не есть послания, в которых апостолы отражают все, что они знают. Они устно учили много лет, что засвидетельствовано в послании к ефесянам (Еф 3:8,9; Деян 20:31). И вот это устное свидетельство жило в первых поколениях христиан. И первое поколение постоянно взирало на предание, на учение апостолов. И поэтому, когда мы с вами говорим, что вера наша апостольская, то мы этим утверждаем как бы две стороны нашей веры: ее происхождение, то, что она идет от апостолов, которые передали нам, что творил и чему учил Спаситель, а с другой стороны говоря, что вера наша апостольская, что мы получили ее от апостолов, мы утверждаем и божественность этой веры, ибо те условия, в которых жили апостолы, и та форма и содержание, которое дошло до нас из прошлого, несомненно свидетельствуют о божественности этого благовествования. В те времена были многочисленные религиозные философские учения и всякого рода другие системы, мировоззрения и понимания. Эти системы были представлены, были разрабатываемы, были проповеданы великими умами человечества. Эти великие умы, религиозные философы, гении, истинные гении подробно изложили свои системы, обосновали их. И после них, на протяжении всей истории человечества, появлялись системы, мировоззрения, которые свидетельствовали о глубине человеческой мысли, о глубине человеческого постижения. И в каждой системе, в каждой человеческой мысли была великая доля истины. Но что же стало с этими учениями, которые

были плодом гения человеческого? Мы о них знаем только по названиям. Они имели свое начало и свой жизненный конец. И так будет в истории всего человечества. То, что произведено человеком, как бы ни было это гениально, как бы ни было это глубоко, какую бы степень истины это не содержало, - все это имеет свое начало и свой неминуемый конец. И на смену этой системе приходит новая система, с новыми гениальными прозрениями, новыми углублениями человеческого ума, чтобы в свою очередь быть вытесненной новой теорией, новыми учениями. Между тем, эта неполная и, если можно так сказать, невысокой научной ценности система мысли, рассказа, предания, веры, которая дошла до нас от апостолов, вот уже скоро 2000 лет воодушевляет человечество. Она пережила и переживет самые невыносимые и тяжелые условия. И в любых условиях, даже в условиях полного бессилия, даже в условиях ничтожного меньшинства, что бы ни случилось -эта система мышления, эта система христианского благочестия является победоносной, является непобедимой! Именно это мы утверждаем, когда говорим, что вера наша -апостольская.Аминь.

ВТОРАЯ ПАССИЯ

Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Дорогие братья и сестры! В эту Крестопоклонную неделю, когда святая Церковь выносит на середину храма Крест для поклонения, мы совершили вторую нашу пессию -богослужение, посвященное страданиям Господа нашего Иисуса Христа. Первую пессию мы совершали неделю назад, когда Церковь праздновала память св. Григория Паламы, архиепископа Фессалоникийского. Мы тогда говорили о том, что в жизни Церкви, в жизни христиан, в жизни всех людей всего мира удивительным и непостижимым образом переплетаются страдания, крест, слава и победа. Мы говорили и о значении страданий Господа нашего Иисуса Христа, и о нашем участии в Его страданиях. Мы тогда говорили и о том, что вся история Церкви, да и история всего человечества пронизана страданиями. Но несмотря на это, несмотря на свою слабость, на свою ограниченность, несмотря на грехи недостойных своих членов-христиан Церковь торжествующе утверждает свою очевидную победу, ибо она обладает божественной истиной, ибо вера наша -вера апостольская, вера отеческая, вера православная, вера, которая утвердила Вселенную. В прошлый раз мы с вами говорили о том, что мы подразумеваем, что мы имеем в виду, когда утверждаем, что вера наша -апостольская. Сегодня же мы поговорим о том, что мы имеем в виду, что мы понимаем, когда утверждаем, что вера наша -отеческая. Но прежде нам с вами необходимо правильно понять, в какой степени вера наша -отеческая. Для этого нам нужно вернуться к главной теме каждого богослужения-пассии, к главной теме каждой проповеди на пассии -к теме Креста. Самым непостижимым, самым парадоксальным, необъяснимым образом тема Креста, тема страданий, тема уничтожения, тема бессилия всегда связываются в божественном откровении, а также в истории Церкви с темой славы, с темой победы, с темой конечного и даже уже завершающегося торжества Истины. В самом деле, достаточно посмотреть на благовестие первых апостолов, которые передавали учение и разъясняли суть учения Христа, чтобы понять, что они не устают, несмотря на крест, несмотря на страдания, не устают говорить о том, что Бог явил Собою богатство, полноту благодати, преизбыточествующее могущество в этом мире. В посланиях к ефесянам, к колоссянам, к коринфянам апостол Павел говорит о «славе благодати Его (т. е. Господа Иисуса Христа), которою Он облагодетельствовал нас в Возлюбленном», о «Богатстве благодати Его, которую Он в преизбытке даровал нам» (Еф 1: 6, 7), о «богатстве славы в тайне Его, которая есть Христос в вас, упование славы» (Кол 1: 27), о познании того, что есть «надежда призвания Его, и какое богатство славного наследия Его для святых», и каково «преизбыточествующее величие силы Его в нас», верующих, согласно «действию могущества силы Его» (Еф 1: 18, 19). Как видите, дорогие братья и сестры, в этих кратких отрывках из посланий апостол Павел как бы нагромождает слова на слова, нанизывает синонимы на синонимы, повторяя их в новых сочетаниях, чтобы дать хотя бы слабое представление об этом невыразимом богатстве славы, преизбытке благодати, полноте

наследия славы Его во святых. Для всех писаний апостола Павла и других апостольских писаний характерны выражения «превозмогаю», «преизбыточествующее», «преизбыток», «богатство», «полнота». Иоанн Златоуст, объясняя эту особенность благовестия первых христиан, говорит: «Есть у апостола Павла и в благовестии первых христиан не только богатство, но еще и преизбыток, т. е. избыток в невыразимой полноте. Нельзя выразить словами это. Это есть богатство, преизбыточествующее богатство, богатство божественное». Этот преизбыток, это богатство, эта полнота имеют, однако, в христианстве отличительную черту. Эта полнота, этот преизбыток, это богатство благодати славы неразрывно связаны с центральной ролью Креста в нашей жизни. Крест -не только внешнее орудие нашего спасения, однажды водруженное на Голгофе, на котором действительно умер, реально умер Единородный Сын Божий. Крест, крест Христов водружен в нас. Мы умираем вместе с Господом, причем Его крест есть стержень нашей новой жизни. Его смерть, смерть Христова есть усилия, которые мы берем. Наша жизнь, как говорит апостол Павел в своем Послании к галатам, есть умирание вместе с Ним, наши страдания есть участие радостное, хотя тяжелое, но благодатное, более того, ликующее участие в Его страданиях. «Ныне радуюсь, -говорит апостол Павел, -в страданиях моих за вас и восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых за Тело Его, которое есть Церковь» (Кол 1: 24). Крест и страдания -не только предпосылка, не только средство приближения ко Христу, -это Его присутствие в нас, наше сораспятие с Ним. Помните, дорогие братья и сестры, что Христос в Евангелии от Иоанна (Ин 15: 5) говорит, что Он -лоза виноградная, а мы -ветви этой лозы? Так вот, лоза виноградная -это вместе с тем и древо крестное, и если мы -ветви этой лозы виноградной, то мы участвуем в Кресте Господа нашего Иисуса Христа. Мы участвуем в Его смерти, в которую мы мучительно и длительно, но непрерывно и благодатно растаем, растаем постепенно, всю нашу жизнь. По крайней мере, мы как христиане должны вращаться в смерти Его. Апостол говорит в Послании к римлянам: «Мы умерли для греха: как же нам жить в нем? Неужели не знаете, что все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились?... Зная то, что ветхий наш человек распят с Ним, чтобы упразднено было тело греховное, дабы нам не быть уже рабами греху: ибо умерший освободился от греха. Если же мы умерли со Христом, то веруем, что и жить будем с Ним... Так и вы почитайте себя мертвыми для греха, живыми же для Бога во Христе Иисусе Господе нашем» (Рим 6: 2, 3; 6-8; 11). В Послании к галатам апостол говорит: «Я сораспаялся Христу, и уже не я живу, но живет во мне Христос», поэтому «я не желаю хвалиться, разве только Крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым для меня мир распят и я для мира. Те, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями» (Гал 2: 19, 20; 6: 14; 5:24). В Послании к римлянам читаем: «Мы сонаследники Христу, если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться» (Рим 8: 17). В Послании к филиппийцам -развитие этой мысли: «Чтобы познать Его, и силу воскресения Его, и участие и страданиях Его, сообразуясь смерти Его» (Фил 3: 10). Во Втором послании к коринфянам апостол Павел говорит: «По мере, как умножаются в нас страдания Христовы, умножается Христом и утешение наше. ...Всегда носим в теле мертвость Господа Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в теле нашем. Ибо мы, живые, непрестанно предаемся на смерть ради Иисуса, чтобы жизнь Иисусова открылась в смертной плоти нашей» (2 Кор 1:5; 4: 10-11). О сострастии в смерти Христовой читаем и в Послании к колоссянам: «Итак, если вы со Христом умерли для стихий мира, ... жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге» (Кол 2: 20; 3: 3). Во Втором послании к Тимофею: «Верно слово: если мы с Ним умерли, то с Ним и оживем» (2 Тим 2: 11). Во всех этих словах апостола, дорогие братья и сестры, -особый смысл, необычный не только в мистическом смысле, в них полный, реальный, исторический смысл. Отсюда эти знаменитые параллельные ряды из Второго послания к коринфянам, которые особенно подробно и глубоко свидетельствуют о тайне Креста и о тайне Церкви: «смерть -но жизнь», «нищета -но богатство», «огорчение -но радость». Мы их, если помните, приводили на прошлой пасхе. Но их нужно напоминать постоянно, ибо они реально отображают крестный путь Церкви на протяжении всей ее истории -от начала, от основания в дни святой Пятидесятницы, в дни сошествия Святого Духа, до

второго пришествия, до конечной победы Христа, когда будет Бог «всем во всех». Помните этот отрывок? «Мы отовсюду притесняемы, но не стеснены; мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся; мы гонимы, но не оставлены; мы низлагаемы, но не погибаем; всегда носим в теле мертвость Господа Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в теле нашем. ... Мы неизвестны, но нас узнают; нас почитают умершими, но вот, мы живы; нас наказывают, но мы не умираем; нас огорчают, а мы всегда радуемся; мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем» (2 Кор 4: 8-10, 6: 9, 10). Это знаменитое место из Второго послания к коринфянам, которое относится к судьбе Церкви Божией на протяжении всех веков ее существования, во все времена, во всех странах, у всех народов, при всех обстоятельствах. Отсюда этот гимн радости и победы в конце знаменитой восьмой главы в Послании к римлянам: «Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонения, или голод, или нагота, или опасность, или меч? ... Все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас» (Рим 8: 35, 37). И эта новая жизнь, это преодоление всего в богатстве славы Божией, преизбытке благодати Его, не обещаны только -новая преизбыточествующая жизнь теперь уже дана нам во Христе. Об этом апостол говорит Павел во Втором послании к коринфянам: «Кто во Христе, тот новая тварь; древнее прошло, теперь все новое» (2 Кор 5: 17). В Послании к филиппийцам читаем: «Я все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа, ... чтобы познать Его, и силу воскресения Его, ... чтобы достигнуть воскресения мертвых» (Фил 3: 8,10-11). В Послании к ефесянам: «Бог... нас, мертвых по преступлениям, оживотворил со Христом... и воскресил с Ним, и посадил на небесах во Христе Иисусе» (Еф 2: 4-6). И наконец, в Послании к римлянам апостол Павел говорит: «Мы -наследники Божий, сонаследники Христу, если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться» (Рим 8: 17). Дорогие братья и сестры! Все эти приведенные отрывки, это древнее христианское благовестие в апостольском изложении свидетельствует о том, что во Христе и со Христом через Крест мы проходим всю нашу жизнь. Мы идем через испытания, идем через труд, через невыразимые страдания -к богатству славы Божией, к преизбытку благодати Его, к конечной победе, к торжеству Божией истины, когда все будет повержено под ноги Христу и когда «будет Бог всяческая во всех». И крест, и путь к славе -все это совершается в Церкви Божией, которая есть наш путь ко спасению, путь ко спасению для всех людей, путь к жизни вечной. Церковь Божия -это богоустановленное общество ради спасения всех людей, это одновременно и божественное установление, и человеческое общество. В своей божественной части -Церковь непобедима, ибо Бог не может быть побежден, не может быть побеждена Божия истина, Божия слава. Но в своей человеческой части, как общество грешных людей, ищущих спасения, идущих ко спасению. Церковь, конечно, идет путем лишений. Она подвержена слабостям человеческим, она, конечно, имеет в своем составе христиан -людей грешных, людей недостойных, и поэтому терпит всевозможные страдания, и никогда ни силой, ни славой не обладала и не обладает. И если были в истории Церкви моменты ее силы, моменты ее славы, то они очень часто были переплетены со славой и могуществом человеческими и очень скоро оказывались слабостью и обращались потом для Церкви в страдания. Но в силу своей неодолимости, в силу своей непобедимости, ибо Господь сказал: «Созижду Церковь Мою, и врата адавы не одолеют ее» (Мф 16: 18), Церковь и мы, христиане, всегда, несмотря на свою слабость, ограниченность, немощь и бессилие, несмотря на все наши преступления, совершенные нами, грешными христианами, в истории. Церковь всегда имела право утверждать и утверждала, что вера ее -апостольская, вера -отеческая, вера -православная, вера, которая утвердила Вселенную, на которой утверждается, зиждется основа бытия Вселенной. Ибо, как говорит апостол, «сия есть победа, победившая мир, вера наша» (1 Ин 5: 4). Когда мы, дорогие братья и сестры, -у Креста Господня, участвуем в страданиях Его, погребаясь в смерть Его, чтобы воскреснуть в Воскресении Его, мы утверждаем, что вера наша -отеческая. Что это означает? Апостолы, которые были свидетелями Господа Иисуса Христа, Его жизни. Его дела. Его учения ради спасения рода человеческого, распространяли христианское благовестие по лицу греко-римского мира, там, где они жили. Мы с вами говорили, что от апостолов сохранилось очень немного в письменном виде, очень немного их

посланий. И в этих посланиях далеко не полностью изложено все учение, все апостольское свидетельство. Апостолы учили, распространяли христианство и утверждали веру среди общин устно -проповедью, словом, делами своими. И в общинах христиан жило это предание, жило это апостольское слово, это апостольское благовестие, это апостольское научение. Оно жило и передавалось из поколения в поколение. Первых христиан, которые общались с апостолами, которые получили научение от них, называли «мужами апостольскими». Мужья апостольские становились главными проповедниками христианства не только при жизни апостолов, но и, особенно, после их смерти. Общины христиан, разбросанные по громадной территории вокруг Средиземного моря, в тогдашнем греко-римском мире, эти общины были немногочисленны, редки, отстояли друг от друга на сотни и тысячи километров. И это были особые благодатные служения, особые, благодатные дары. Мужья апостольские ходили из города в город, из поселения в поселение, распространяя Христово учение. И хотя среди них не было апостолов из тех двенадцати и из тех семидесяти, о которых вы знаете, этих странствующих миссионеров называли апостолами, евангелистами, несмотря на то, что они не писали евангелия, ведь слово «евангелисты» означает «благо вестники, проповедники». Некоторых называли и пророками, ибо они пророчествовали, а некоторых называли -учителями. И именно этих мужей апостольских мы называем отцами и учителями Церкви первого послеапостольского поколения. Отцы и учителя Церкви первого послеапостольского поколения имели великую задачу -сохранить учение апостолов, распространить его, передать его от общины к общине. Более того -сохранить его чистым от всякой примеси, ибо в то время уже началось смешение христианства с мудростью, философией. Начал появляться так называемый «гностицизм» -особое течение среди интеллигенции, ученых того времени, которые, вместо того, чтобы следовать истинному учению Христа и апостолов, стремились объединить его, смешать с мистикой, растворить в философии, мистериях и других учениях того времени. Таким образом, появилась ложная ветвь христианства, называемая гностицизм. И отцы и учителя Церкви боролись с этим течением, чтобы христианство, благовестие, которое им было передано от апостолов, сохранилось чистым, таким, как хотел этого Спаситель наш Господь Иисус Христос. Для этого отцы и учителя Церкви первого послеапостольского поколения разъясняли, какие евангелия, какие апостольские послания являются подлинными, рассказывали о деяниях апостолов. Они порицали многочисленные фальшивые писания гностиков, выдаваемые за апостольские. Далее, в III и IV веках, последующее поколение отцов и учителей Церкви имело уже другую задачу -сформулировать, изложить евангельское учение языком науки, научным, богословским языком так, чтобы не смешивать его с многочисленными ересями, появлявшимися в то время, чтобы яснее, четче, определеннее донести все богатство христианского учения людям, интеллигенции, ученым. Таким образом, дорогие братья и сестры, значение наследия отцов и учителей Церкви для нас чрезвычайно велико. Они сохранили в чистоте Христовой апостольское учение, они развили его, придав ему доступные формы выражения, изложив его научным, богословским языком. Отцы и учителя Церкви являются для нас свидетелями того, как верно, как живо распространялась и строилась первая христианская Церковь, древняя Церковь, Церковь эпохи семи Вселенских соборов. Дорогие братья и сестры! Когда мы, православные, утверждаем, что вера наша отеческая, мы утверждаем этим чистую правду. Ибо если мы исследуем писания времен святых отцов и учителей Церкви, то увидим, что среди всех ныне существующих христианских исповеданий Православная церковь самым преданным, самым надежным образом сохранила в чистоте учение отцов и учителей Церкви, то есть учение Господа нашего Иисуса Христа и апостолов. Поэтому мы, православные, всегда апеллируем, всегда обращаемся к учению, творениям, мыслям отцов и учителей Церкви. Однако мы, православные, очень часто грешим, когда говорим, что мы -последователи святых отцов и учителей Церкви. Вера наша -вера отеческая. Мы действительно являемся верными последователями отцов и учителей Церкви, вера наша -действительно отеческая. Но, дорогие братья и сестры, утверждая это, спросим сами себя, спросим совесть свою, спросим в душе своей, спросим в сердце своем: знаем ли мы

по-настоящему учение апостольских мужей? Как мы исследуем их творения? Точно ли мы знаем, что в действительности принадлежит апостольским мужам, чему же действительно они учили? Очень часто в нашей жизни, в нашем благочестии мы придерживаемся благочестивых, но суеверных обычаев, всевозможного рода поверий, всевозможного рода местных, фольклорных обычаев, обрядов, особых как бы заговоров, которые ничего общего с учением святых отцов не имеют. Церковь наша -действительно отеческая, вера наша -действительно отеческая. Церковь наша -действительно свято хранит учение святых отцов. А мы с вами вместо того, чтобы учиться у нашей Церкви истинному учению отцов и учителей Церкви, очень часто слушаем всякого рода суеверия, всякого рода непонятные слухи, которые исходят от людей невежественных, никогда не читавших творения святых отцов, хотя они и часто ссылаются на них: «Тако святии отцы рекоша!» Между тем, наши знаменитые богословы говорили, что самый страшный человек в Церкви -это невежда, который произносит: «Тако святии отцы рекоша!», а сам учения святых отцов никогда не читал и не знает. Дорогие братья и сестры, покаемся в этом нашем грехе. Мы -действительно Церковь отеческая, вера наша -действительно отеческая, мы действительно верны святым отцам. Церковь наша верна святым отцам. Но мы очень часто грешим, призывая лишь святые имена отцов и учителей Церкви вместо того, чтобы ссылаться на их чистое, непорочное истинно православное учение. Мы иногда распространяем свои суеверные убеждения. Призывая людей к Православию, ибо вера наша -апостольская, ибо вера наша -отеческая, ибо вера наша -православная, ибо вера наша утвердила Вселенную, будем учиться по источнику истины -у святой Православной Церкви, учиться тому, чему учили святые отцы, и использовать их чистое и святое учение для назидания в нашей жизни, для совершенствования нашей нравственности, для укрепления себя и других на пути ко спасению. Будем же молить Господа, дорогие братья и сестры, припадая к подножию Креста Его, поклоняясь на месте, идеже стояли нози Его, лобызая пречистые раны Его, Его, пролившего кровь за спасение наше, будем молить Распятого и Воскресшего Христа, чтобы и мы были сораспяты, погреблись для грехов наших, но воскресли вместе с Ним для новой жизни, для жизни святой и непорочной, чтобы мы, православные, стали настоящими свидетелями веры отеческой пред людьми неправославными. Аминь.

Третья пессия в N 22 Четвертая пессия в N 24

Священник Георгий Кочетков: Из проповедей во Владимирском соборе (июль 1991 г.)

Проповедь

* Годичный цикл проповедей во Владимирском соборе б.Сретенского монастыря публикуется в журнале «Православная община», начиная с № 3 за 1992 г.

5 июля. Владимирской иконы Божией Матери. Слово перед вечерней

Братья и сестры! Мы начинаем празднование в честь Владимирской иконы Божьей Матери, что связано с историческим событием — спасением Москвы от нашествия, последнего большого нашествия татар, татаро-монгольского войска в 1480 году. Нам очень повезло: в этом храме прежде было очень мудро устроено — буквально на следующий день после храмового праздника, главного праздника этого монастыря, отмечался другой престольный праздник — Рождество Иоанна Предтечи. Наш маленький придел в честь Рождества Иоанна Предтечи,

хотя он сейчас еще не восстановлен, существует. Так что у нас сегодня храмовой, престольный праздник, и завтра, в воскресенье тоже будет престольный праздник — Рождество Иоанна Предтечи. Поэтому завтра будет утренняя и литургия.

Братья и сестры! Господь не покидает Своих людей Своей милостью и этим нас всех всегда радует. И пусть радость наша будет совершенна. Пусть радость о спасении, которую дарует Господь, и по молитвам Божией Матери, и по молитвам всех святых, эта радость пусть всегда наполняет наше сердце. Пусть она будет тем светом, который руководит нашей жизнью.

Аминь.

Слово на вечерне после паримий (Быт 28: 10-17; Иез 43: 27; 44: 1-4; Притч 9: 1-11)

Братья и сестры, христиане! Сейчас вы слышали знаменитые отрывки из Писания — те слова, которые почти все мы знаем наизусть, потому что эти паримии, эти отрывки из Ветхого завета читаются очень часто — на каждом богослужении, которое посвящено памяти Божией Матери, Ее чудесам, и связанным с Ней иконам. Вы слышали о том, что «начало мудрости — страх Господень, и познание Святого — разум». Как много сейчас людей кичатся своими познаниями, своим разумом. Всем кажется, что они очень мудрые, всем кажется, что они много знают. Но представление Священного писания о разуме и премудрости совсем иное, не такое, как у многих из нас. Эта последняя паримия из книги Притчей так и начиналась: «Премудрость построила себе дом, вытесала семь столбов его». А дальше «послала слуг своих провозгласить с городских возвышенностей» то учение, которое вы слышали.

Под этим «домом» часто подразумевается Сама Божия Мать. Она — дом Премудрости. А Премудрость — это Христос.

И здесь же мы учимся той мудрости, которая есть страх Божий, «страх Господень». Сейчас люди очень боятся слова «страх», они вообще всего боятся. И уж поэтому с мудростью редко связывают само понятие страха Божьего. Конечно, страх Божий — это не простой человеческий страх. Это верно. И мы с вами знаем, что плохо человеку, который испытывает разного рода страхи, когда он чего бы то ни было боится. Одно из самых тяжелых духовных состояний человека может быть связано со страхом. Обоснованным или необоснованным, рациональным или иррациональным — все равно. Но этот человеческий страх — не страх Божий. «Страх Господень» — страх особый. Мы его называем, как вы знаете, благоговением. Это страх отойти от Бога, потерять Бога.

И «разумом» здесь называется «познание Святого», Бога. Богопознание есть настоящий разум человека. Мы очень хорошо знаем, дорогие братья и сестры, что часто сбываются слова народной поговорки: когда Бог хочет наказать человека, Он отнимает у него разум. И мы видим, что ныне почти и нет действительно разумных людей. Однако это не означает, что каждый из нас вызвал гнев Божий на себя лично. Мы же знаем, что часто несем на себе «родимые пятна» предыдущих поколений. Мы хорошо знаем, что отцы раньше согрешили, и тяжело согрешили, желая строить дом без Единого Живущего, без Бога. И этот дом не устоял. Не устоял и рухнул. Но в первую очередь ударил этот дом по голове. Конечно, не только по голове, но по голове — очень сильно. И вот, это безверие, бездуховность привели к тому, что люди все чаще сплошь и рядом становились крайне неразумны. Поэтому они не умеют владеть собою, своей душевной жизнью, жизнью своих чувств, своего разума.

Люди стали, к сожалению, неразумны. Редко найдешь разумного человека не только среди неверующих, но даже среди верующих, потому что все мы — плоть от плоти эпохи своей, народа своего. И очень тяжело людям дается вхождение в благодатную жизнь и обретение

разума. Но даже обретающий разум, познающий Святого Бога человек, к сожалению, снова боится страха Божьего. Он хотел бы быстрее пройти тот период духовной жизни, когда страх Божий, благоговение требуется от него в первую очередь.

Конечно, вы можете сказать, что благоговение и страх Божий — категории ветхозаветные. Я с вами соглашусь. Это так. Но Ветхий Завет — тоже завет, который требует к себе внимания, который требует от нас обретения соответствующего опыта. И потому никто не может сказать, что то, что было в Ветхом Завете, нам не нужно. Нам нужно *не только* то, что было в Ветхом Завете, это правильно. Но никто не может утверждать, что Ветхий Завет уже не нужен, никто не может утверждать, что послушание никому не нужно, что благоговение, страх Божий никому не нужны.

Если человек теряет все это, он теряет разум, дорогие братья и сестры. Он может быть только прекрасной машиной. Посмотрите — не случайно даже современное искусство все более вырождается в дизайн. И сейчас художники, по существу, — это дизайнеры. И театр дизайнерский. Это совершенно не случайно, дорогие братья и сестры. Мы только ведь по видимости мудры, а на самом-то деле очень далеки от совершенного разума. Я специально не говорю о вещах более тонких. Я говорю о том, что знали люди и до Христа из Ветхого Завета. Сейчас, когда мы прославляем с вами Божию Матерь, мы должны признать, что даже Она имела страх Божий. Об этом мы с вами, к сожалению, думаем редко. Она имела разум, потому что познала Святого, имела Она и Премудрость. Она была домом Премудрости, и тем не менее спасалась в «нетленной красоте кроткого и молчаливого духа», как говорит апостол. В «нетленной красоте кроткого и молчаливого духа», потому что Она обладала разумом, и вы об этом знаете, хотя о Божией Матери так мало сказано в Писании. Много преданий о Ней, но в Писании сказано очень мало. И не случайно, потому что именно этот молчаливый и кроткий дух был свойствен Ей.

Ее разум был особого свойства, дорогие братья и сестры. И может быть, нам сейчас особенно нужно взглядеться, всмотреться в этот образ Божьей Матери как образец разума и премудрости. Мы об этом не часто думаем, дорогие братья и сестры, и только потому, что, как я сказал вначале, по-другому представляем себе этот разум и эту премудрость. Для нас часто эти вещи, так высоко поставленные Священным писанием, дискредитированы. Мы часто не ценим ни свой разум, ни чужой разум, ни свою, ни чужую премудрость. Мы забыли, что премудрость — от Бога, мы забыли, что разум есть познание Святого.

Братья и сестры, пусть этот праздник в честь Божией Матери будет нам напоминанием о великом достоинстве разума. О том, что мы должны стремиться к Премудрости Божией, и поэтому сами познавать Бога, иметь благоговение, страх Божий и знать тот Дом, который стал домом Премудрости.

Еще на одну тему я хотел бы поговорить сегодня, еще сказать об одном. Мы совершаем празднество в честь Владимирской иконы Божьей Матери. И вы знаете, что на Руси было необыкновенно большое число икон Божией Матери. Это для нас великая честь, дорогие братья и сестры, потому что это говорит об искренности любви нашего народа к Божьей Матери. Если не было бы такой любви, то не было бы столько Ее икон, такого великого многообразия их.

Но при этом, дорогие братья и сестры, я должен заметить, что культа Божьей Матери в нашей церкви нет. Нет, в отличие, например, от Католической церкви. Что означал бы этот культ? Культ отделил бы почитание Божьей Матери от почитания Ее Сына и Бога нашего. Но мы с вами знаем так же, как знали это все наши предки на протяжении веков, что почитая Божью Матерь, мы чтим Сына, а тот, «кто чтит Сына, чтит и Отца».

Дорогие братья и сестры, не будем никогда забывать об этом. Для нас неразрывно существует образ Божьей Матери и Ее Божественного Сына, образ Богородицы с Младенцем и лики святых Божиих Церкви Божией. Нам с вами уже не однажды приходилось говорить о том, сколь едино почитание Богородицы и Церкви, потому что Тело Христово — это Божия Мать и при этом Тело Христово — это Церковь Его.

И еще об одном напомним вам сегодня. Бог даст, завтра скажу об этом подробнее. Почему мы трижды в год всю Церковь почитаем праздник спасения Москвы по молитвам Божьей Матери, через явление Ее чудотворного Владимирского образа? Неужели так важно для нас спасение Москвы в XIV веке или в XVI? Давайте подумаем об этом мы, москвичи, наследники именно этого праздника, на этом месте, в этом храме.

Сейчас для многих слово «Москва» вызывает ассоциации не самого лучшего свойства, для многих в мире и даже в нашей стране. Сейчас место, на котором стоит этот прекрасный монастырь, этот великолепный храм, тоже у многих вызывает ассоциации совсем не лучшего свойства. Но неужели так было всегда, и всегда так будет, дорогие братья и сестры? Мы можем верить и надеяться, что по молитвам Божьей Матери так более не будет. Когда человек будет говорить, что он из Москвы, люди будут радоваться, а не печалиться. Когда скажут, что человек пришел вот отсюда, со Сретеньки, с Большой Лубянки, люди тоже не будут вздрагивать.

И, дорогие братья и сестры, давайте все же подумаем, почему так важно для нас это спасение Москвы от врагов? Каково значение Москвы как духовного, народного и государственного центра? Какой смысл в этом? Сохранился ли этот смысл или он уже перестал существовать? Не буду многословным. Я хотел вас только озадачить. И надеюсь, что все вы сами подумаете на эту тему, подумаете и ответите серьезно на этот очень важный вопрос. Настолько важный, что, повторяю, Церковь наша трижды в год торжественно отмечает спасение Москвы через Владимирскую икону Божьей Матери.

Нам Господь судил восстанавливать эту традицию, снова воплотить ее зримо в этом праздновании. И я надеюсь, завтрашний крестный ход также напомним о том, что нам предстоит делать, как служить Богу и ближнему, вдохновляясь молитвами святой Богородицы.

Аминь.

7 июля. Рождество Иоанна Предтечи. Слово на утрене после 5-го воскресного Евангелия (Лк 24: 36-53)

Братья и сестры, христиане! Вот уже третий день удивительным образом выпадает богослужебное чтение: в отрывках, которые были прочитаны позавчера и вчера, речь шла о разуме. И сегодня снова в евангельском чтении, посвященном Воскресению Христову — главному празднику, ныне отмечаемому нами, вы слышали о том, как Господь отверз ум Своим ученикам-апостолам к разумению Писания. И мы должны всегда помнить, что для того, чтобы исполниться Духом и Силою Божией, нужно иметь премудрость и разум. Премудрость и разум — которые от Бога, которые свыше, а не те житейские премудрость и разум, которые, как мы все знаем, часто бывают лукавы так же, как и дни быстротекущего века сего.

Мы, к сожалению, встречаясь с этим житейским разумом, с этой житейской мудростью, нередко забываем о том, что нам также нужно иметь отверзтым разум, отверзтым ум для разумения Писания, для того, чтобы открылось нам Слово Божие.

А Слово Божие открывается так, что мы видим в сердце своем духовными очами истину, ибо приходим к ней. Христос сказал: «Я есть путь и истина и жизнь». А если мы приходим к истине,

то приходим и к жизни вечной. И приходим к истине Воскресения, не в лубочном, сказочном смысле, а в подлинном, духовном, христианском, во всей полноте этого слова, смысле. Если мы приобщаемся к Духу Христову, то приобщаемся и к Его Истине, к Его вечной Жизни. И разум духовный, и премудрость духовная — это то, что необходимо для обретения этой жизни.

Нам нужно очень высоко ценить, так же высоко, как об этом сказано в Священном писании, премудрость и разум, которые от Бога, которые свыше, которые благодатны. Это ведь не просто знания, дорогие братья и сестры. «Знание надмевает, любовь же назидает». Разум и Премудрость от Бога *назидают*, потому что приобщены к Любви и от Любви исходят.

Братья и сестры, да будет ум наш отверзт! Да будем мы разуметь слово Божие, чтобы прийти к божественному Слову, и с Ним — к Жизни вечной, и к Воскресению!

Аминь.

Слово на литургии после Апостола (Рим 13: 12 - 14: 4)

Дорогие братья и сестры! Вчера мы говорили о том, что нужно иметь ум Христов, надо иметь «те же чувствования, что и во Христе», а сегодня мы слышали слова апостола: «Облекитесь в Господа нашего Иисуса Христа, и попечения о плоти не превращайте в похоти». И друг друга не осуждайте. «Каждый перед своим Господом стоит или падает».

Облечься в Господа нашего Иисуса Христа — это то же, что иметь те же чувствования, что и во Христе. Уж какими только словами и выражениями апостол Павел нас ни привлекает к тому, чтобы мы уподобились Христу в Духе и Истине, поклоняясь Богу! Но мы все еще не понимаем этого. Нам еще кажется, что жизнь нашу можно разложить на отдельные поступки, слова, дела, мысли, что вот, если исправить это или это, или это, то все у нас будет нормально. Но братья и сестры, если мы с вами не облечемся во Христа, если не будем иметь ум Христов и те же чувствования, что во Христе, то даже после исправления всего того, что нам кажется недолжным (предположим, нам это удастся), жизнь наша все равно еще не будет христианской. Нам нужно иметь новую одежду, нам нужно приобщиться к пиру брачному, нам с вами нужно приобщиться ко Христу, для чего нужно взять свой крест и нести его.

И вот сейчас мы, совершая великое таинство причащения Тела и Крови Господних, возвещаем Любовь Христову, крестную и воскресную, которая только и может облечь нас во Христа, дать нам те же чувства и ум, что и во Христе. Для этого мы здесь и собираемся, дорогие братья и сестры, отрываясь от наших важных и многочисленных дел. Не для того, чтобы наслаждаться только пением или слушанием, но для того, чтобы соединиться со Христом и друг с другом, со всею Церковью Божией в единой вере, в единой надежде и любви.

Братья и сестры, будем достойны того призвания, к которому мы призваны, будем стараться исполнить слово, услышанное нами от апостола Павла!

Аминь.

Слово на литургии после Евангелия (Лк 1: 5-25, 57-68, 76, 80)

Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Братья и сестры, христиане! Мы сейчас слышали рассказ о рождении святого Иоанна, пророка, Предтечи и Крестителя Господня. Этот рассказ замечателен. Он нам напоминает о том, что народ Божий стремился к исправлению, к заключению Нового Завета, ко дням Мессии. Он напоминает нам о том, что Господь Бог, посетивший народ Свой, прославился в рождестве великого пророка Своего. В чем же заключалось предназначение родившегося младенца Иоанна? Ведь были даже особые

знамения при его рождении и даже особое имя было дано ему. Действительно, в рождестве Иоанна Предтечи Господь, Бог Израиля, посетил народ Свой и сотворил избавление ему. Как было сказано, младенец этот должен был наречься пророком Всевышнего, ибо предыдет он пред лицом Господа, предуготовит пути Ему.

Приуготовление наше ко всякой святыне, ко всякому служению, ко всякому делу Божию — священно, дорогие братья и сестры. Бог ожидает от нас готовности, готовности такой, чтобы мы могли принять Господа и не разрушить Завета с Ним. Мы с вами заключили Новый Завет с Богом и живем этим договором с Ним. Бог отдал Сына Своего Единородного, Который пролил кровь Свою на кресте за нас, будучи невинным, и мы через эту жертву становимся невинными и чистыми перед Богом. И не просто становимся невинными и чистыми, кровью Христовой очищенные, омытые. Мы с вами знаем, что Царствие Божие — это закваска, которой квасят все тесто. Оно пришло и открывается в мире сем. Это Царство — величайшая драгоценность, ради которой еще существует этот мир. И то, что способствует жизни этого Царства, его росту в нас и через нас — во всем мире, все это угодно Богу. Наше служение, дорогие братья и сестры, заключается как раз в том, чтобы нести людям и себе эту благодать, это откровение Небесного Царства.

Нам с вами следует об этом более всего заботиться в нашей жизни. Но если мы спросим себя, о чем мы больше всего в действительности печемся, то боюсь, мало найдется тех, кто скажет: «О Небесном Царстве, об открывающемся и открывшемся уже Новом Завете с Богом, о том Царстве, которое стремится исполниться, прийти к полноте своей тогда, когда откроется новое Небо и новая Земля в новом пришествии Христовом».

Давайте подумаем об этом. Пусть для нас снова здесь прозвучит слово Иоанна Предтечи, пусть для нас прозвучит слово и о покаянии, и об избавлении народа Божьего, и об откровении Небесного Царства. Младенец Иоанн, как сказано в Евангелии, возрастал и укреплялся Духом, он был в пустыне до дня явления своего Израилю. Многие из нас тоже еще не имеют сил для того, чтобы открыто свидетельствовать и служить Богу. Когда это так, наша пустыня продолжается, та пустыня, которая еще недавно удивляла вас, и вы спрашивали: «А что это такое?» Для Иоанна Предтечи это была физически настоящая пустыня. Для нас с вами пустыня — это наш град. И пока не открылось в нас велением Божьего Духа наше служение тем даром, какой мы получили, до тех пор мы — в пустыне, и должны там укрепляться и возрастать духовно.

Пусть не удивляет это тех, кто уже, кажется, прошел этот период своей жизни. Пусть не удивляет вас, что снова я говорю вам о пустыне. Проверьте себя, есть ли крепость духа, есть ли тот духовный рост в вас, который позволил бы служить духовным даром. Если нет, то следует еще каяться и еще пребывать в этой пустыне, готовя себя к служению.

Братья и сестры, в день Рождества Иоанна Предтечи прославим пророка Божьего, открывшего людям путь ко Христу! и послужившего Ему до конца!

Аминь.

Слово после литургии

С праздником поздравляю всех вас, дорогие братья и сестры! К сожалению, заканчиваются те праздничные службы, которые так счастливо в нашем храме сочетались, — два дня подряд престольные праздники: храмовой престольный и престольный в честь Рождества Иоанна Предтечи. Слава Богу, сегодня и вчера мы с вами молились Господу, приобщались Господу. Я рад, что многие из вас приобщались Телу и Крови Христовой и вчера, и сегодня. Нам это

хороший урок. Иногда человек никак не может этого сделать, а если все-таки делает это лишь волевым порядком, то последствия бывают печальны. Мне приходилось не однажды встречаться с тем, что люди, причащавшиеся два дня подряд, потом сильно заболели. Это было верным признаком недостойного причастия. Но я надеюсь, что среди вас не окажется таких, для которых причастие будет в суд или во осуждение. Нам с вами нужно иметь страх Божий, великую веру в милость Господню и дерзновение перед Богом, чтобы мы на самом деле могли каждый день чувствовать себя готовыми к причастию. Каждый день нашей жизни должен быть днем, проходящим в вере в жизнь вечную, днем, в который мы были бы готовы отойти к Господу, так, чтобы наша христианская кончина была безболезненной, непостыдной и мирной. Конечно, вряд ли, дорогие братья и сестры, удастся до конца осуществить это наше желание на земле. Но если мы все вместе осуществим это хотя бы в определенной степени, то, я думаю, Господь благословит нас и поможет нам, и не вспомнит наши немощи, наши недостатки, а немощное укрепит. Братья и сестры, эти дни для нас — дни нового духовного опыта. И я очень надеюсь, что вы, особенно те, кто был на всех службах, начиная с пятницы вечером, несмотря на некоторую усталость, получили этот новый духовный опыт. Вы получили его и от общения с нашими дорогими гостями. Я очень рад, что о. Михаил сегодня снова нашел возможность быть у нас на литургии, и мы снова смогли сослужить собором с ним. Рад, что и Д.В. Поспеловский сегодня тоже причащался, и так неожиданно быстро, как это у Господа и бывает, исполнилось наше общее искреннее пожелание причащаться вместе — с чистым и открытым сердцем общаться друг с другом, как и со всеми братьями и сестрами во Христе.

Я надеюсь, о. Михаил, что Ваше путешествие в нашу страну, в нашу общую страну, будет во всех отношениях благоуспешным, что Господь будет помогать Вам во всех Ваших добрых, благих делах, с которыми Вы и приехали к нам. Прошу Вас, если у Вас, конечно, есть желание, сказать несколько слов нашей общине.

Слово о. Михаила Евдокимова

20 июля. Слово на молебне в связи с поездкой приходских отрядов скаутов в Оптину пустынь.** На молебне присутствовал протопресвитер Александр Киселев (Русская православная церковь за границей). Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Братья и сестры, христиане, взрослые и дети! Досточтимый о. Александр! Я обращаюсь сейчас ко всем. Вслушайтесь в слово, которое говорит Господь: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам». Самые простые слова употребляет Господь в Своей проповеди, но такие, которые нужны всю жизнь, и молодым, и старым — всем. Всем нужно знать, что если попросите, то вам будет дано, если вы что-то ищете, то непременно найдете, если будете стучать, то вам обязательно отворят. Только вопрос в том, о чем просить, чего искать, зачем стучать? О чем здесь говорит Господь? Что Он подразумевает, обращаясь к нам с этими словами? Ведь, наверное, не все подряд надо просить, не все подряд надо искать, не по каждому поводу надо стучаться в сердца или двери других людей. И вот сегодня, когда мы совершаем этот молебен с призыванием помощи Духа Святого на всякое доброе дело, мы верим и надеемся, что и вы, дети, знаете, о чем просите, знаете, чего вы ищете. Не случайно же вас называют скаутами. А что значит скауты, вы знаете? Это разведчики. А что делает разведчик? Ищет (разведывает — значит, ищет, узнает), поэтому прямо к вам и обращены эти слова Господа.

Что вы будете искать как разведчики? Чего будете просить у Бога и друг у друга? Чего вы ожидаете друг от друга? Помните, что есть «единое на потребу», то, что никогда от вас не отнимается, если вы это найдете, если вам это будет дано. А что это означает «единое на потребу»? Что самое главное в вашей жизни сейчас? Вам нужно иметь благодать Божию, вам нужно иметь любовь Божию, вам нужно иметь веру Божию, вам нужно жить по правде Божией,

т. е. правильно, праведно. Это и есть самое важное и самое трудное, это то, что нужно каждому человеку в течение всей его жизни.

Никто на земле не может сказать, что ему это не нужно, или что ему достаточно любви, которую он имеет, достаточно веры, которая у него есть, достаточно той праведности, которую он уже в жизни проявил. Помните: чего бы вы ни достигли, что бы вы ни нашли — ищите дальше. Господь говорит: «Блаженны нищие духом», т. е. те, кто просит Духа. И вы прежде всего просите у Господа благодати, любви, потому что «благодать» — слово, в переводе на русский язык означающее «дар любви». А это самое важное. Если вы это начнете делать сейчас, с малых лет, с ваших лет, то никогда не пожалеете о том, что вы родились на свет и что живете под десницей Господа. Вот я и хочу вам пожелать, чтобы вы, называясь разведчиками, знали, чего искать, чтобы вы знали, о чем в жизни просить, ради чего можно многим пожертвовать, чтобы вы знали, что все подряд просить не надо, все подряд искать не надо, все разведывать подряд не надо. Просить и искать надо только то, что ведет нас к Богу и к ближнему.

Мы прочтем сейчас еще одну молитву специально для младшего отряда, ту молитву, которая только для тех, кто рождается сегодня как новый отряд скаутов, чтобы дети, большие и малые, знали, что такое путь Правды, путь Господень. Старайтесь же все жить так, чтобы с этого пути никогда не сходить, чтобы ничто, никакие опасности в жизни, никакие трудности и беды не могли вас с этого пути отвести.

Вот, братья и сестры, всех вас поздравляю с тем, что сегодня в нашем храме собралось столько детей, которые будут искать Правду, которые будут искать Господа и помогать ближним своим.

Аминь.

Слово перед вечерней

Дорогие братья и сестры! Сегодня мы с вами будем служить великую вечерню, но несколько иначе, чем обычно, потому что на этот день, кроме воскресного дня и службы Воскресению Христову, приходится еще один праздник. Мы будем служить и Божьей Матери, потому что завтра, а значит, с сегодняшнего вечера, отмечается праздник Казанской иконы Божьей Матери. И если обычно мы с вами в субботу служим вечерню только во славу Воскресения Христова, то сегодня соединим две службы — в честь Воскресения Иисуса Христа и в честь Казанской иконы Божьей Матери. Поэтому прошу вашего молитвенного внимания и сосредоточенности для того, чтобы единым сердцем, едиными устами мы все прославили Бога во святых Его.

Аминь.

Слово на вечерне после паримии (Иер 31: 31-33)

Братья и сестры, христиане! Мы с вами слышали знаменитое место из книги пророка Иеремии. Знаменитое не только в Ветхом, но и в Новом завете. Не случайно оно повторяется потом в устах апостольских. В нем речь идет о самом важном для нас — о заключении Богом Нового Завета с Его народом, с Новым Израилем, с народом, избранным ко спасению. Вы знаете из книг Ветхого завета, что был такой народ, и с ним был заключен завет. И даже, если говорить точно, — не один завет. Не только тот, что был заключен с Моисеем, когда члены этого народа, выходили из земли Египетской, стремясь к освобождению, к свободе от рабства. Вы знаете, что сначала Завет был заключен с праотцами — Авраамом, Исааком и Иаковом — Завет веры. Потом был Завет праведности, закона, святых дел — Завет с Моисеем, о котором и идет речь у

пророка Иереми. Затем был заключен Завет с царем Давидом, завет, который давал надежду на заключение впоследствии Завета принципиально нового, когда откроется новая эпоха, новая эра человечества. В пределах этого последнего Завета и пророчествовал Иеремия пророк. Он ярче всего высказал пророчество о Новом Завете. «Наступают дни...», — говорил пророк, точнее, Господь устами этого пророка. И эти дни наступали. Правда для их наступления потребовались еще века. Более половины тысячелетия прошло с тех пор, как прозвучали эти слова, до пришествия Мессии.

«Наступают дни, когда Я, — говорит Господь, — заключу с домом Израиля и с домом Иуды (т.е. с избранным народом Божиим) Новый Завет, — не такой завет, какой Я заключил с отцами их... ; тот завет Мой они нарушили, хотя Я оставался в союзе (т. е. в завете) с ними». Это нам с вами надо особенно уразуметь, дорогие братья и сестры. Завет с Богом может быть нарушен только людьми, ибо только люди могут оказаться неверными, Бог же верен всегда. Господь не останавливается на данном Им завете, на заключенном союзе, Он открывает истину о Новом Завете даже после того греха, который разрушает прежний завет.

«Вот завет, который Я заключу с домом Израилевым после тех дней: вложу закон Мой во внутренность их и на сердцах их напишу его, и буду им Богом, а они будут Моим народом», — говорит Господь. Это, братья и сестры, самое главное, самое важное. Если прежний завет был заключен и записан на каменных скрижалях, то теперь наступает эпоха, когда завет, заключенный с Богом, и условия этого союза пишутся на скрижалях плоти, на скрижалях человеческих сердец. «Вложу закон Мой во внутренность их и на сердцах их напишу его. И уже не будут учить друг друга и говорить: «Познайте Господа», ибо все сами будут знать Меня, потому что Я прощу беззакония их и грехов их уже не вспомню более», — сказал Господь. Чем обусловлена эта перемена завета? Когда наступил этот Новый Завет, братья и сестры? Он наступил на Кресте и в Воскресении, когда Господь пролил Свою кровь за нас, когда Он искупил нас от рабства греху. И мы, братья и сестры, знаем, что тот, кто верой и правдой, любовью и надеждой открыл свое сердце и служит Господу нашему Иисусу Христу, тот уже не раб греха, уже прощены беззакония его, и грехи его не вспомнятся.

Это, как видите, не означает, что совсем не будет никаких грехов, братья и сестры. Мы хорошо знаем, что так не бывает даже в жизни великих святых, о чем мы неоднократно с вами говорили. Не надо идеализировать христианскую жизнь. Христианское учение очень трезвенно, очень реально, жизненно.

Грехи человеческие не воспоминаются Богом, если человек живет благодатью Воскресения Христова. Именно поэтому и читается эта паримия в связи с Воскресением Христовым. Невозможно обрести прощение грехов наших, невозможно надеяться на то, что не будут вспомнуты в вечной жизни беззакония наши, если нет победы жизни над смертью, если нет Любви, Свободы, Духа, Истины, которые вселил Господь в сердца наши. Если бы мы не могли жить этой победой, то не настала бы эпоха Нового Завета.

Но, дорогие братья и сестры, когда мы читаем это пророчество, у нас сразу возникает и некое недоумение, потому мы-то с вами еще нуждаемся в том, чтобы учили нас люди. Мы-то еще говорим друг другу: «Познай Господа». Так неужели мы еще в Ветхом Завете? Неужели еще не наступил Новый Завет, о котором сказал пророк? Может быть, это у нас он не наступил, а где-то в другом месте, в другой Церкви есть то, о чем здесь говорится?

Братья и сестры, будем помнить, что пророчество относится ко всей эпохе Нового Завета, а значит, и к тому явлению Царства Божьего в силе, которое откроется с пришествием Господним, когда победа Господа будет явной для всех людей. И действительно, мы знаем, что сейчас эта победа предоткрывается в нас, но еще не совершенно, еще не в полноте. Мы

спасены, но еще только в чаянии, в надежде.

И вот, братья и сестры, мы знаем, что если мы останемся верными жизни Христовой, если отвергнем в себе дела смерти и тьмы, то пророчество исполнится вполне и для всех нас. Сейчас мы еще далеки от совершенства, мы часто еще нуждаемся в том, что проповедовал Ветхий Завет. Мы нуждаемся в том, что дало бы нам возможность познать Господа и иметь удостоверение в прощении наших грехов. Но наступают дни, и наступили уже, когда заключается с Израилем, с Церковью Христовой Новый Завет. И этот Завет заключен, и он устремлен к совершенству, к завершению своему, к исполнению своему в Небесном Царстве!

Аминь.

Слово на исповеди после вечерни

Братья и сестры! Мы с вами хотим быть полными членами Церкви, членами новозаветной Церкви, и поэтому, как мы слышали сегодня из книги пророка Иеремии, нам следует иметь надежду на оставление всех наших грехов, на то, что не будут они помянуты Богом. И для этого необходимо только одно — искренняя, от всего сердца вера, открытость нашего сердца к Господу Иисусу Христу. От нас требуется только то, чтобы мы служили Богу всей своей жизнью, так, чтобы открылась в нас жизнь будущего века и чтобы это можно было засвидетельствовать перед Богом и ближними. Братья и сестры, очень часто получается так, что такого свидетельства мы не несем. Иногда потому, что человек уверен в себе, уверен в том, что он хороший христианин, хотя на самом деле это может быть совсем не так. Приходит время, когда начинают распределяться какие-то материальные блага, и он начинает думать в первую очередь о себе, совершенно забывая о других. Приходит время исповедания веры перед лицом угрозы, опасности — и такой человек шатается, а то и падает, он готов отречься от всего святого ради того, чтобы его не трогали, чтобы жить в безопасности.

Но бывает и по-другому — когда святая Церковь живет действительно как святая Церковь, а засвидетельствовать об этом некому. Иногда из-за зависти, потому что у людей очень часто проявляется страшная черта — стремление к уравниловке. Если я плох, то пусть и все будут плохие, о другом не скажу, что он хороший. Если мне плохо, то пусть и всем будет плохо. Людям, я имею в виду христиан, нас с вами, бывает очень трудно, независимо от своего лучшего или худшего состояния, бед и скорбей, сорадоваться радостям других, а если у человека хорошо на душе, то трудно бывает и сопереживать другому. Это — от неумения жить вместе. В Псалтири сказано: «Как хорошо и приятно жить братьям вместе! Это — как драгоценный елей». Каждый из нас, братья и сестры, очень хорошо знает, какой он грешник, как часто мы бываем недостойными. Собираясь вместе, мы не умеем ценить эту возможность быть вместе, вместе пребывать пред лицом Божиим, ходить пред Богом. Все великие святые умели ходить пред Богом, умели жить пред лицом Божиим. Сейчас такое время, братья и сестры, когда от каждого христианина зависит очень многое, один человек может буквально переставлять горы. Сейчас как никогда, потому что мало, слишком мало устоявшихся вещей. Все общество стремится к стабильности. А стабильность имеет две стороны — хорошую, которая людям помогает жить, и плохую, когда вместе с хорошими вещами стабилизируются и недостойные вещи, и преодолеть их тогда бывает значительно труднее, чем в нестабильные времена.

Мы с вами должны помнить, что историей на нас возложен тяжкий крест свидетельства — свидетельства о Христе, о Церкви. Это значит — и друг о друге. Но часто ли мы там, где это нам невыгодно, можем похвалить другого, даже нашего брата? Готовы ли мы признать его достойным? Очень часто, братья и сестры, в нас этого нет. Тогда мы, лицемеры, грешим перед Богом.

Мы с вами не однажды говорили, что, придя в Церковь, мы образуем совершенно особую общину, общину Христа. Видим ли мы ту всемирную общину Христову? Чувствуем ли мы ответственность за других христиан? Заботимся ли мы о том, чтобы границы Церкви Христовой расширились, чтобы укреплялась Церковь, столь дискредитированная в глазах очень многих людей? Иногда, не без оснований, у людей нет веры в Церковь. А без веры в Церковь нет православной веры, дорогие братья и сестры. Нет православной веры без веры в Церковь! Конечно, все должно быть на своих местах: если есть только вера в Церковь, то это тоже не нормально, так же, как если есть только вера в человека или только вера в Бога без веры в Церковь и без веры в человека.

Вот, братья и сестры, самое главное, что я хотел бы сказать. Нам бывает трудно жить вместе, не смотря на то, что мы хотим этого, мы стремимся к этому, мы искренне радуемся этому, но подчас только до тех пор, пока все хорошо. Начинаются искушения, и мы показываем, что мы очень, очень слабы. Для того чтобы быть вместе, нам нужно еще немного — уметь других ставить выше себя, видя в своих братьях и сестрах достоинства, превышающие наши. Нам с вами нужно также уметь прощать, прощать от всего сердца, не так, что же, мол, делать — надо простить, на то мы и христиане, а так, чтобы прощение наше было стремлением к исправлению. Никогда не забывайте, братья и сестры, что слово «простить» означает «исправить» в переводе на современный язык.

Если мы еще не исправили свою жизнь, значит, на самом деле не очень-то и простили. Прощение — не рациональный акт, хотя в нем участвует и душа. Для того чтобы нам жить вместе, общиной, нам нужно научиться не прибегать ко лжи, к любой неправде, нам нужно научиться поверить всерьез, что можно жить иначе, и не только в храме, хотя в храме это тоже не так просто, но и вне стен храма, в обществе. И вот эта жизнь не по лжи — трудная жизнь, но это христианская жизнь. Я не буду вам сейчас говорить о грехах, о которых мы говорили прежде. Скажу лишь еще об одном: мы не только не умеем общаться друг с другом, мы часто не можем справиться даже сами с собой. Это особенно огорчительно, потому что здесь все зависит только от нас, хотя и не только от нашего ума и нашей воли. Люди очень часто готовы пребывать в одурманивающей, убаюкивающей обстановке, не умея собою владеть. До сих пор еще в нашей общине есть люди, которые не могут бросить курить или справиться с другими своими страстями. Если же мы не владеем собою, то как мы можем помочь другим?

Давайте подумаем об этом и давайте покаемся перед Богом во всех наших грехах и согрешениях от всего сердца, так, чтобы сделать усилие, а не плыть по течению и не стремиться «жить, как все». Не нужно бояться быть «белыми воронами».

Если в нас все это будет, то мы можем иметь дерзновение пред Богом и приступать к престолу благодати Божией, служа, как цари и священники, Богу живому, совершая Евхаристию, Благодарение о всех и за вся. Помолимся!

21 июля. Слово на воскресной литургии после Апостола (1 Кор 1: 10-18)

Братья и сестры, христиане! Апостол Павел нам говорит о том, что мы должны быть единомысленны и единомудушны, чтобы не было среди нас разделений, чтобы никто не говорил: «Я Аполлосов, я Кифин, а я Павлов», потому что распят-то за нас один Христос. Это, братья и сестры, касается всех нас. Действительно, слово крестное для погибающих — юродство, а для нас, спасаемых, — Сила Божия и Божия Премудрость. И нужно в эту Премудрость вникнуть, нужно ею жить, и эту силу Божию нужно иметь, тогда не будет разделений. К сожалению, и сейчас еще часто бывает так, что даже среди христиан говорят: вот, я хожу в этот приход, а я — в тот. Я езжу в этот монастырь, а ты, вот, не ездишь — плохо! Я, вот, меневец, а я валериановец, а я такой, а я сякой... Мы с вами должны, братья и сестры, знать, что всякий, кто

не чувствует единства Тела Христова, тот отпадает от благодати в ее полноте. Нам с вами нужно особенно заботиться об этом единстве. Не о внешней унификации форм и обрядов, но о «единстве духа в союзе мира». Часто же происходит совсем наоборот. Все мы знаем, насколько тяжелы любые разделения внутри христианской Церкви, особенно внутри Православной церкви, нашей церкви. Как трудно бывает, когда мы видим, что люди критикуют друг друга не с целью помочь и поднять, а с целью отстранить, с целью принизить. Как часто при этом люди теряют драгоценный, благодатный дар любви и открытости, и значит, веру друг в друга: «Раз ты не ходишь в мой приход, я тебе доверять не могу, потому что неизвестно, чего ты там поднаберешься у о. Георгия».

Поэтому, братья и сестры, будем слушать слова апостола и слышать их, меняя свою жизнь, находя действительно лучшие пути внутри Церкви, не противопоставляя себя другим, не закрывая свое сердце только потому, что одни расставляют акценты на одном в духовной жизни, а другие — на другом. Никто в одиночку не может вместить всей полноты благодати и Истины так, чтобы явить эту полноту. Она хранится лишь во всей Православной церкви, во всем Христианстве.

Нам с вами особенно приятно слышать слово о единстве сейчас, когда перед нами две прекрасные пары новобрачных. Мы особенно рады этому. Дальнейшие наставления святого апостола Павла, дополняющие это слово о единстве, — главное в его наследии. Действительно, слово крестное пусть будет для всех, и в первую очередь для наших новобрачных, словом и утешения, и одобрения, и дерзновения. Пусть это будет словом нашего служения.

Слово крестное, проповедь о кресте — это проповедь о Любви, а брак — это символ Любви. И Царство Божие символизируется Небесным Браком, поэтому то, что сегодня чувствуете вы, новобрачные, хотели бы чувствовать все люди на земле. И когда сегодня исполнится ваш брак еще и в совместном причастии — особом причастии, в Церкви, — то пусть радость, которая будет у вас, эта радость пусть никогда от вас не уходит. Через нее вы узнаете, что христианину никогда не должно допускать никакого уныния, никакого мрачного настроения, так же как не должно допускать и грехов вольных, сознательных. А чтобы не было невольных грехов, надо стремиться познавать волю Божию.

Поэтому, братья и сестры, будем слушать слово апостола Павла и будем радоваться о наших новобрачных, а при этом будем все стремиться к единству во Христе и в Церкви Христовой.

Аминь.

Слово на литургии после чтения Евангелия (Ин 2: 1-11; Мф 14: 14-22)

Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Братья и сестры, христиане! Господь начал Свои чудеса с помощи на браке в Кане Галилейской и с соучастия в этом великом торжестве, которое невозможно отнять ни от одного человека на земле, — с соучастия в радости брачного пира. Господь исполнил радость людей, хотя знал, что радость земная не вечна. Он дал это понять Матери, сказав: «Что Мне и Тебе, Жено, до того вина, которого не хватает людям?». А ведь это вино — знак Духа Святого, как и огонь, сходящий с неба. Братья и сестры, сегодня удивительное совпадение двух евангельских чтений — знаменитый рассказ о браке в Кане Галилейской и не менее знаменитый рассказ о том, как Господь в прообразе Евхаристии накормил пять тысяч человек, не считая женщин и детей, пятью хлебами и двумя рыбами. В этих отрывках есть удивительная параллель — образ брака, и здесь образ брака земного восходит к Браку Небесному. Потому это столь радостно для нас с вами, братья и сестры. Не случайно происходит восстановление венчания именно на литургии. Потому что венчание, которое сегодня совершилось, есть таинство Брака, а оно исполняется в Евхаристии, в

Благодарения Богу, Церкви, ближним, друг другу. Таинство Брака исполняется в полноте сегодняшнего великого служения — таинства Царства. Братья и сестры, Господь не так часто что-то во что-то «превращал», претворял. Собственно, кроме этих двух случаев, в Евангелии больше ничего об этом не говорится. Разве только некий отголосок насыщения пяти тысяч человек — рассказ, написанный в древности и в чем-то тождественный прочитанному отрывку, о насыщении семи тысяч человек. И совершенно не случайно, братья и сестры, в нашей христианской жизни о претворении мы говорим только в одном случае — когда речь идет о Святых Дарах, о Евхаристии, когда под видом хлеба и вина мы приобщаемся Телу и Крови Господним, когда хлеб и вино «превращаются» в Тело и Кровь Господни.

Братья и сестры, эта тайна преложения — тайна Духа. Не тайна плоти, не тайна физического образа, а тайна Духа, к которой мы причастны. Мы должны постоянно благодарить Господа за то, что Он призвал нас к этому служению, за то, что мы — соучастники радости Брака, и вся наша жизнь — устремленность к Браку, ибо Господь, как вы знаете, не дает никакого другого образа Царства Небесного, кроме Брака. И в связи с браком Он говорит о Царствии Небесном, когда — помните? когда искушали Господа саддукеи, спрашивая: «Которому из семи мужей женщина будет женой по воскресении?» (поскольку по закону левирата жена после смерти мужа могла выйти замуж за его брата). Господь сказал тогда: «Не знаете силы Божией. В Царстве Божиим, в этом Царстве Любви, в этом Брачном Чертоге уже не женятся и не выходят замуж, а пребывают, как ангелы на небесах». И вот это пребывание — тоже Брак.

Братья и сестры! Сегодня великая радость — Господь пришел и радуется каждому сердце открытостью к Его Любви. Да будем мы с вами наполняться этой Любовью, чтобы быть общниками Небесного Брака в его полноте.

Аминь.

Слово после литургии

Слава Богу, братья и сестры, совершилось сегодня таинство Брака. В жизни человека удивительным образом происходят совпадения. Так и в Церкви. Сегодня удивительно совпали евангельские чтения, неожиданно раскрыв нам совершенно новые моменты, новую глубину таинства Брака. Сегодня мы отмечаем также праздник в честь Казанской иконы Божьей Матери. И это совпадение тоже замечательно. Ведь в нашей истории Казанская икона Божьей Матери очень много значит. Она всегда была спасительницей погибающих, всегда была утешением, прибежищем для всех христиан и особенно для москвичей. Поэтому сейчас, в этот праздничный день, особенно радостный, поздравляя вас, новобрачных, я хотел бы обратить ваше внимание на эту икону. Пусть она будет вашей покровительницей. Пусть она освещает ваш путь, всю вашу жизнь, чтобы ничего вас не смущало, чтобы радость всегда была в вашем сердце, чтобы ваше смущение уходило, как всякое искушение, которое надо преодолеть, как говорится, с плюсом, с новым опытом, с новым духом, а не с испугом. Сейчас, когда вся церковь вас поздравляет, я особенно рад, что именно в нашем храме, несмотря на внешние неудобства в нем, вы совершили сегодня брак, который для всех нас — большая радость.

24 июля. Св. равноапостольной княгини Ольги. Слово на утрене после Евангелия (Мф 13: 33-52)

Дорогие братья и сестры! Сегодня мы празднуем с вами день памяти равноапостольной княгини Ольги. И прекрасным образом можно применить к ней слова Господа о Царствии Небесном, которые мы слышали. Действительно, Царство Небесное подобно закваске, которую женщина, взяв, положила в три меры муки. И мы знаем, что так в истории и случилось. Княгиня Ольга была «закваской» Небесного Царства и как бы вложила ее в свой народ, во всех

людей, ее окружавших, в том числе и во внука своего Владимира. И пришлось ждать 33 года, прежде чем «вскисло» все, прежде чем крестилась Русь. Княгиня Ольга крестилась, приняла святое крещение в 955 (некоторые исследователи считают — в 954) году, и пришлось ждать, не одно десятилетие, прежде чем это принесло свои богатые плоды. Нам с вами иногда не хватает такого терпения. Нам хочется, уж если Господь действует через нас в Церкви Своей святой, то сразу же видеть результаты. Мы часто не желаем ждать в течение не только тридцати трех лет, но и тридцати трех дней. Но Господь учит нас этому терпению, и исторические примеры подтверждают слово Божие. Далее в этой главе Евангелия от Матфея есть еще три притчи, сказанные Господом о Царстве Небесном, еще три аналогии. «Еще подобно Царство Небесное сокровищу, скрытому на поле, которое, найдя, человек утаил, и от радости о нем идет и продает все, что имеет, и покупает поле то». Княгиня Ольга готова была пожертвовать народными традициями, привычками своего народа, его культурой, государственными традициями ради того, чтобы обрести это сокровище, которое сначала приходилось, может быть, и таить. В то время не сразу можно было объявить о принятии христианства, потому что над принявшими христианство смеялись язычники, а для высоких государственных деятелей всегда важно иметь поддержку народа, и уж на смех поднимать себя никому не хочется. Даже простым людям не хочется. Что же говорить о тех, кто занимает высокое положение, имеет власть?

Но интересно здесь то, что обретение Царства Небесного, этого сокровища, связано с великой радостью. И княгиня Ольга, как вы знаете, очень резко, очень сильно изменила после крещения свою жизнь. В нее вселилась эта великая радость.

Она продала все, что имела ради этого сокровища. Она была «подобна тому купцу, который искал хороших жемчужин, и который, найдя одну драгоценную жемчужину, пошел и продал все, что имел, и купил ее». В этой духовной «купле» княгиня Ольга также преуспела и обрела Небесное Царство.

И наконец, Царство Небесное, обретенное ею, подобно «неводу, закинутому в море и захватившему рыб всякого рода». И там было все — хорошее и худое — в надежде на то, что придут при кончине века ангелы и отделят злых от добрых, худое от доброго.

Можно было собирать, как в невод, все, что захватывалось. И надо сказать, что семя Небесного Царства, брошенное княгиней Ольгой в землю нашу, действительно очень бурно проросло, а этот невод, который она закинула в народ, захватил разных рыб. Мы знаем из русской истории, что тысячу лет этот невод наполнялся рыбами, и тысячу лет в нем было и доброе, и худое.

Нас ведь не смущает это, дорогие братья и сестры. Господь ведь рассказал эту притчу совсем не случайно. Всегда, когда забрасывается невод, когда есть большие и малые народы, когда целое государство (тем более такое большое, как Русь) становится под защиту Креста Христова, неизбежно сочетаются добро и зло. Вы должны знать, дорогие братья и сестры, что одного покровительства государства недостаточно, мы никогда не должны уповать на то, что государство станет христианским, мы должны знать, что именно Церковь обладает той силой, о которой в Евангелии сказано применительно к ангелам, что они придут при кончине века и отделят злых из среды праведных.

И это уже началось в истории. И сейчас происходит это разделение, и в Церкви происходит отделение, и благодатью Божией даются нам знания об этом.

Действительно же, невод Царства Небесного не должен засоряться слишком сильно. Когда он слишком засорен, происходят какие-то особые катаклизмы, какие-то явления в церковном обществе и в народе, которые требуют очищения невода. XX век стал для нас как раз таким

очистительным, огненным испытанием, когда многое, накопившееся прежде в видимой церковной ограде, нужно было чистить и чистить очень радикально.

Сейчас наследие княгини Ольги открывается нам с новой силой. Как отреставрированная икона сверкает своими красками и источает радость и красоту, так и Церковь наша начинает снова сиять, источая необыкновенную красоту и радость. И мы с вами радуемся этому, хотя есть люди, которые этого не понимают и думают, что достаточно восстановить лишь то, что было до 17-го года, вернуться к этому и точно продолжить то, что тогда было. Это неверно. Думать так — значит, не чувствовать воли Божией, того опыта, который нам был дан. И тяжело задан в нашем веке. Этот опыт нужно нам усвоить, его нужно собрать и поделиться им с другими церквями, ибо на свете есть не одна наша церковь, которая, подобно неводу, тащит и доброе, и худое.

Братья и сестры, для нас с вами память о княгине Ольге — это возвращение к началу. В то время, в X веке, многое было по-другому: по-другому совершали богослужение, по-другому строили храмы, по-другому писали иконы, по-другому проходила катехизация новых членов Церкви. Многое было иначе, но Церковь — одна. И мы знаем об этой преемственности, и слава Богу, можем сказать, что во многих местах, как мы надеемся, разрывы этих традиций преодолеваются.

Пусть еще не просто нам жить по-христиански в нашем обществе, пусть еще нам с вами трудно бывает вполне усвоить всю традицию, потому что нам не хватает опыта, не хватает знания, не хватает дерзновения, не хватает духовности, которые так нужны нам. Но единство духовной традиции мы ощущаем. Если еще десять-двадцать лет назад можно было только мечтать об этом, и мы очень остро в те годы ощущали, что есть разрыв важнейших традиций, то сейчас это уже у нас сгладилось и самые острые моменты, самые тяжелые разрывы преодолены. И еще, братья и сестры, я хотел бы сказать об одной вещи. Не так много в истории христианства святых жен, признанных всей церковью. Возможно, их было значительно больше, чем братьев, но мы знаем о них значительно меньше. И интересно то, что служение сестер наших, служение женщин в Церкви — особое служение. Это служение может быть великим служением. Равноапостольная княгиня Ольга — один из примеров тому.

Что значит «равноапостольная»? Это значит, что она по дерзновению своему, по ответственности своей за распространение христианской веры была столь выдающимся членом Церкви, что ее в каком-то смысле даже сравнивают с апостолами. Ведь мы с вами знаем еще только равноапостольную Нину Грузинскую и, в какой-то степени, мать императора Константина, императрицу Елену, в честь которой и крестилась княгиня Ольга (ее имя в крещении было, как вы знаете, Елена, а Ольга — это ее языческое имя, которое она носила до крещения).

Традиция дает нам еще одно имя — равноапостольной Марии Магдалины, но о ней мы знаем очень мало. Это более легендарный сюжет, в нем много такого, чего нельзя утверждать наверняка. А вот относительно других равноапостольных мы знаем исторически точно достаточно много. Сейчас, когда мы говорим об апостолате мирян, мы имеем в виду всех, а не только братьев и уж тем более не только священнослужителей. Если мы говорим о мирянах, то имеем в виду и сестер, которые могут иметь пред Богом дерзновение создавать церкви своей проповедью.

Это очень важно, братья и сестры. Сейчас, когда во многих храмах — большинство женщин, это могло бы иметь большое значение. Многие женщины бывают очень дерзновенны, если их научить, бывают очень ревностны, даже бесстрашны, даже мужественны. Этому их научила жизнь. Может быть, эти процессы в светском обществе имеют и негативные стороны, но для

нас с вами это могло бы быть добрым знаменем. Хотя не стоит, конечно, и преувеличивать, все-таки не так уж много жен, которые имеют апостольское призвание. Но этот апостолат, повторяю, имеет отношение ко всем — и к братьям, и к сестрам. Поэтому не стесняйтесь в Церкви использовать все, чему вы научены, для того, чтобы нести с радостью и дерзновением слово истины людям. Будет действительно великая радость от обретения Небесного Царства не только у вас, но и в народе. Если вы увидите вокруг себя, что мрак расходитя, то и для вас будет большая радость, и вы будете иметь подкрепление в вере.

Братья и сестры, постараемся с вами быть достойными нашего наследия. Духовное наследие земли русской велико, и нам его надо знать, надо чувствовать преемственность во всем, не только в храме, не только, когда мы занимаемся историей, но и когда строим свою жизнь. Эта преемственность не означает для нас рабского подражания предкам. Она должна быть в духе. В каждом народе есть свой духовный характер. В нашем народе тоже есть свой духовный характер. И хотя он сейчас, может быть, несколько меняется, очищаясь, обретает какие-то новые черты, преемственность все равно остается. В заключение я хотел бы поздравить всех именинниц, сегодня их много, слава Богу, пожелать им дерзновения, духовного просвещения, пожелать им подумать о тех четырех притчах, которые вы сегодня слышали, и применить их к себе.

Аминь.

Слово после утрени

Дорогие братья и сестры! В нашем храме мы не просто так зажигаем и гасим свет. Свет горит во время главной, важнейшей части богослужения. Когда она завершается или идет еще вступительная часть, свет гаснет. Это для нас с вами важно знать, потому что час, полтора, два или больше стоять сосредоточенно на богослужении человеку трудно. И естественно, надо концентрироваться на важнейших частях богослужения, на тех, которые являются для нас важнейшими с точки зрения научения, или если это таинственное богослужение — литургия верных, то на тех частях, которые прямо относятся к таинству и его совершению. Как правило, эти главные части являются древнейшими частями в нашем богослужении, самыми древними, теми, которые пришли к нам от времен апостолов. Естественно, к ним со временем прибавлялись какие-то детали, естественно, развивалась вступительная часть, что-то добавлялось в начале, что-то — в конце, но центральная часть богослужения всегда оставалась неизменной. И многие из вас уже знают, что богослужения бывают двух видов: синаксарные и таинственные. Вот когда мы приходим на литургию, совершаем Евхаристию, мы совершаем богослужение двух видов: синаксарное — литургия оглашаемых и таинственное — литургия верных. И каждая из этих служб совершенно самостоятельна, она имеет точно определенное начало и точно определенное заключение.

Не буду рассказывать обо всех богослужениях, многие из вас об этом уже знают, но об утрени, о той службе, которую мы с вами сегодня совершали, я все-таки расскажу. Конечно, не только для того, чтобы у нас вовремя зажегся и гасился свет, это само собой, это дело техники. Но важно вам всем понимать, что служба, на которой вы присутствовали, — синаксарное богослужение. К таким богослужениям, кроме литургии оглашаемых, относятся и вечерня, и утренья. Все они, в принципе, состоят из одного и того же, ибо это научительные, или обучительные службы, которые совершались еще до нашей эры в иудейских синагогах и совершаются до сих пор. Поэтому по-другому их называют еще синагогальными богослужениями.

«Синагога» — греческое слово, которое означает «собрание», но собрание особое, потому что, как вы знаете, в греческом языке много слов, означающих «собрание». Слово «церковь»,

«экклесия» тоже переводится как «собрание». Есть «синклит», есть «синод», есть и «синакс» — на них совершаются синаксарные богослужения, которые происходят в собрании равных.

Вы помните из Евангелия, что Господь проповедовал в синагогах иудейских. Был там такой порядок, что любой мужчина, начиная с тридцати лет, должен быть не просто зрелым, он должен быть духовно зрелым, и настолько, чтобы учить других. Он мог встать, выбрать место из Писания, прочитать его и истолковать.

К сожалению, сейчас эта традиция потеряна, и это шаг назад по отношению к Ветхому Завету. Новый Завет должен был, по идее, принести больше, он и принес больше, ибо апостол Павел сказал, что «нет во Христе ни эллина, ни иудея, ни мужского пола, ни женского». Этого совсем не говорит Ветхий Завет. Но мы, к сожалению, некоторые вещи из опыта как Ветхого, так и Нового Заветов потеряли. История христианства сложна, и эти потери легко объясняются сложной, тяжелой историей. Но потеря есть потеря, и почти никого из братьев 30-и и старше лет не попросишь теперь проповедовать, да еще так, чтобы он сам нашел подходящее место из Писания и сказал нечто вразумительное для всех, а не только для себя. Про сестер я и не говорю. Хотя, конечно, есть и исключения.

Так вот, братья и сестры, очень важно знать, что такое синаксарное богослужение. Это богослужение, которое совершается с целью чтения Священного писания и проповеди, пояснения его. И поэтому центральной частью его всегда будет чтение Писания, проповедь и примыкающая к ним молитва.

Аминь.

Ю.Ф.Н.: Мой путь к Богу и в Церковь

Свидетельства

В САМОМ раннем детстве я размышляла о Боге и мне хотелось узнать, действительно ли Он существует. Но постепенно атеистическая пропаганда заглушила во мне зачатки веры. Я стала бояться церковью с их полумраком, странным запахом и непонятными обрядами. Когда я училась во втором классе, мама хотела меня крестить, но я наотрез отказалась, несмотря на уговоры. Повзрослев, я стала размышлять о смысле жизни, о путях поиска его. Меня стали интересовать философские проблемы. Однажды я отчетливо поняла, что Бог есть и что я хочу познать, каков Он, хотя мне сложно сейчас вспомнить, как я пришла к этому выводу. Я приняла решение сначала посмотреть то, что есть в этом мире, а потом прийти к Нему. В море классической литературы, изучаемой школьной программой, я выискивала места, которые могли бы мне помочь узнать о Нем хоть что-нибудь. Я стала читать все, что попадалось мне под руки. Так я натолкнулась на Ивана Ефремова и через него пришла к йоге, экстрасенсорике и кришнаитам. Я впитывала в себя все, словно губка: ходила на курсы медитации, занималась астрологией и различными видами гаданий. Для меня все, что связано с духовностью, было божественным. Я не задумывалась о существовании дьявола. Потом у меня появились друзья, разделяющие мои взгляды. Мы вели свободный образ жизни, не придавая значения внешнему виду, мнению окружающих людей и пренебрегая моралью и рассудком. Мы поступали по желанию своего сердца, любили романтические путешествия, высокие идеалы и философские беседы. Но больше всего мы спорили о Боге. Потом поняли, что таких людей, как мы очень много, и они называют себя «хиппи», и в знак протеста носят длинные волосы и рваные джинсы. Меня привлекала в них раскрепощенность и то, что они принимали меня такой, какая я есть. Среди них было много самых разных людей с противоположными взглядами, но объединяло всех разочарование в жизни, желание се как-то изменить, жажда любви и надежда

на лучшее. В этой среде у меня был друг, искренне жаждавший познания Бога. На моих глазах он стал меняться—перестал пить, курить, стал ходить на собрания к баптистам. От него я впервые стала узнавать о том, кто такой Христос. До этого с христианством я была практически не знакома. Он рассказывал мне все, что узнавал сам, и я многое начала понимать по-другому. Я почувствовала, что за фигурой Христа стоит нечто большее, чем я видела в других религиях и направлениях человеческой мысли. Я готова была стать христианкой, но меня пугало нетерпимое, как мне казалось, отношение христиан к другим религиям и несвобода. Собрания баптистов мне нравились, они часто трогали меня до слез, на них я осознала себя грешницей. Но после собраний это состояние радости моментально улетучивалось, я чувствовала несоответствие слова и дела. В это же время я начала читать Новый завет и ходить в православную церковь. Но и там я не встретила должного отклика. Хотя я приняла там крещение, на жизнь это не повлияло. Я испытывала внутренний кризис. Я была между небом и землей. Люди, считающие меня своей, были мне чужими по духу, а те, которые были близки, меня не принимали такой, какая я есть. В результате я бросила всех и решила идти одна. Несколько месяцев я пыталась идти самостоятельно, читала Библию и Добротолюбие, но возникало противоречие между желаемым и действительным. В конце концов я окончательно запуталась и упала. Господь вытащил меня из этой пучины и привел в церковь пятидесятников. Я была поражена простотой и верой этих людей. Я поняла, что здесь я должна остаться. Там нашла друзей, окрепла и приняла крещение по вере, отдавая отчет своему поступку. Я ушла из нелюбимой Академии и чудом поступила в художественный колледж. Моя жизнь стала меняться на глазах. Я увидела, как евангельское слово может воплощаться в действительности. Я видела изгнание бесов из одержимых ими людей, говорение на иных языках, пророчества. Господь стал мне очень близок. Некоторое время я радовалась и купалась в счастье, не замечая ничего вокруг. Там называют это состояние «периодом первой любви». Но постепенно то, что я видела в мире сквозь розовые очки стало блекнуть, и я столкнулась с множеством проблем, несоответствий, ошибок, увидела непонимание и часто поверхностный подход. Я пыталась с этим бороться, но ничего не выходило. Прошлым летом я хотела сбежать от проблем и уехала отдыхать, пытаюсь собраться с мыслями и все исправить. Но вернулась, а проблемы так и остались. Когда я пришла на собрание в Огласительную школу, я увидела там то, чего мне все это время не хватало—смысл. Я впервые услышала, что Церковь—это совокупность Духа и смысла. Что такое обилие Святого Духа, я знаю. Но в совокупности со смыслом в нашей церкви его встретишь нечасто. Наша маленькая церковь, словно лодка в океане. Нет ни компаса, ни карты, а только вера и надежда на спасение. Ее ветром бросает из стороны в сторону и порой кажется, что смерти не миновать, но чудом она снова появляется из воды и снова плывет в неизвестном направлении. Некоторое время я ходила и туда и сюда. Но в конце концов поняла, что больше не могу оставаться в той церкви. Я поговорила с пастором, и он меня отпустил. Сейчас я снова на перепутье. Не знаю, где найти совокупность духа и смысла. Может ли Православие стать той церковью, в которой, с одной стороны, есть проявление даров и плодов Святого Духа, а с другой стороны, есть сочетание их с серьезным подходом, осмысленностью и мудростью,—этот вопрос остается для меня открытым. Надеюсь, что занятия в Огласительной школе помогут мне в этом разобраться.

Протоиерей Сергей Булгаков: Церковь и культура

Богословие и философия

ТОМУ, кто привык вдумчиво относиться к окружающей действительности и прислушиваться к подлинному голосу жизни, потаенному и интимному ее шепоту, обычно заглушаемому для

рассеянного уха площадным шумом и гамом, едва ли покажется неожиданным и спорным то утверждение, что в духовном обиходе современного человечества давно уже что-то неладно, что назревает какой-то кризис, быть может, предвестие грядущего перелома. Этот кризис подготовлен всей новой историей. Начиная с конца средневековья, духовная жизнь человечества, произведшего еще невиданные в истории чудеса техники и вообще материальной культуры, развившего в небывалой степени научное знание, в особенности точные науки, обнаружившего невиданный размах социального творчества, изошрившего до чрезвычайной остроты и тонкости философскую мысль, создавшего могучее искусство в разных его разветвлениях,—вся эта духовная жизнь развивалась под знаком светского, внерелигиозного и даже антирелигиозного начала жизни, утверждала односторонне-человеческий, противобожеский принцип, культивировала заветы одностороннего или отвлеченного гуманизма. В этом смысле всему так называемому новому времени должно быть усвоено название, которым окрещена лишь одна из начальных его эпох: века гуманизма, в чисто натуралистическом, языческом смысле, в смысле бунта осознавшего свои силы человечества против средневекового аскетического мировоззрения, ошибочно смешиваемого с истинным, т. е. универсальным христианством, против средневекового инквизиционного клерикализма, ошибочно принимаемого за церковь Христову. (Для нашей родины эта эпоха гуманизма наступает лишь в XIX веке, особенно во второй его половине, отчасти как естественное отражение западного гуманизма, отчасти же как неизбежный протест против филаретовского катехизиса, принимаемого за полное и точное изображение учения христианства, и против полицействующего победоносцевского клерикализма, смешиваемого с истинной церковностью.) Человечество порвало с патриархальной опекой и навсегда оставило давящие, хотя и величественные своды средневековой готики. Сын берет свое наследство и оставляет дом отца, отправляясь в «страну далеку» пожить на свободе.

* Печатается по: Вопросы религии, вып. I, М., 1906. И вот свобода испытана, приобретенная опытом духовная зрелость достигнута, но унесенное из дома наследство уже иссякает, начинается время питания горькими рожками и духовного голода, в которое невольно вспоминается и покинутый отчий дом. Современный блудный сын только едва начинает втихомолку, в глубине души вздыхать о покинутой родине и, может быть, не близко еще время, когда он совершит подвиг духовного самоотречения, победит свое напряженное самоутверждение и скажет: Отче, согрешил я перед небом и пред Тобою. Но уже несомненным становится и теперь, что современное человечество духовно питается не ожидавшимися роскошными яствами, но горькими и тяжелыми рожками, только обманывающими, а не утоляющими голод. «Уныние народов и недоумение»—вот пока окончательный итог современной культуры, который незримо откладывается в интимной жизни, в глубине глубин общечеловеческого сознания. Отдайте только себе отчет в высших и последних ценностях, которые все собирается переоценивать самодовольный, хотя и растерявшийся век. Не горькие ли рожки—импотентность современной философской мысли, ушедшей на формальную схоластическую работу, или же беспомощная умственная и нравственная неврастения ее более требовательных представителей, как Ницше, со скептическим адогматизмом, возведенным в догмат, с аморализмом, превращенным в систему морали, или, наконец, развеселый, разухабистый скептицизм Ренана с эстетически-религиозным гарниром и с бульварным романом вместо Евангелия. Также и современная наука необыкновенно обострила духовное зрение человечества во всем, что касается внешней коры явлений, но ни на один дюйм не подняла покровы Изиды, закрывающего природу явлений. Теперешняя техника сделала человека удивительным ремесленником, отточила и утончила его рабочий инструмент, но человек, живущий в этом ремесленнике, остается по-прежнему с протянутой рукой. Современное искусство, при всем богатстве и роскоши новых форм художественной техники, опускается до мертвого натурализма или самоубийственной тенденциозности; мистическое по самому своему существу,

оно больше всего страдает от религиозной беспочвенности века. Вся современная культура, разросшаяся в пышное и могущественное дерево, начинает чахнуть и блекнуть от недостатка религиозно-мистического питания. Наибольшую горечь пришлось вкусить современному человечеству во взаимных отношениях. Век гуманизма выставил великие христианские заветы, старое отцовское наследие—идеалы свободы, равенства и братства, но выставил их как свое создание и свою собственность, оторвав прекрасный цветок от родимого ствола. Для воплощения этого идеала он мобилизовал величайшие социальные силы, сплотив целую международную армию социализма, ведущую правильную и успешную войну за эти идеалы. Создаются новые, все более совершенные формы общения и внешнего объединения людей, стены здания социализма возводятся к крыше, и не особенно далеко то время, когда принципиальная победа социализма станет (и уже становится) совершившимся фактом и когда капиталистический мир рухнет, уступив место социалистическому. Но вот роковой и страшный вопрос, который ставится уже в человеческом сознании: не окажутся ли плоды и этой победы лишь горькими рожками, создаст ли внешняя победа социализма действительную человеческую солидарность? Становятся ли люди ближе между собою, устанавливается ли между ними не только равенство, но и братство, больше ли стало любви на земле, теснее ли соединяются внутренней связью люди, принадлежащие даже к одному союзу, к одной партии и ставящие себе задачей облагодетельствован не человечества посредством внешних реформ? Мы думаем, что искренний и добросовестный ответ на этот вопрос не может быть положительным. Не сближение, хотя бы внешне и объединяемых людей, характеризует нашу эпоху, но отъединение и уединение, какая-то стеклянная, прозрачная, но ощутимая стена разделяет человеческие сердца. При всей внешней солидарности духовное одиночество, не братство, а убийственный, безвыходный индивидуализм, и не равенство, основанное на внутреннем смирении отдельных лиц, но самомнение и жажда власти (Wille zur Macht!)—таково истинное духовное состояние человечества. Прочтите гениальный рассказ одного из самых тонких психологов нового времени—Мопассана под заглавием «Solitude» ("Одиночество")—вот исповедь современной души. И когда уединившиеся (по выражению Достоевского) люди, весьма способные к святой (а рядом и не святой) ненависти, но утратившие представление о том, что такое святая любовь, говорят о будущем «рае на земле», который наступит сам собою после уничтожения капитализма, то не знаешь, чему больше надо удивляться,—их наивности или духовной слепоте? Должна произойти величайшая духовная революция, люди должны восстановить утраченный секрет объединения не только внешнего, механического, но и внутреннего, мистического, не только в общей ненависти или интересе, но и в общей любви, чтобы действительно мог воцариться мир на земле и благоволение в людях. Иначе же при всем стремлении к соединению люди будут только ударяться друг об друга головами (по выражению того же Мопассана), достигнут благоустроенного муравейника, в котором за отсутствием социальной борьбы станет царить еще большая пустота и растерянность (рядом с самодовольным мешанством), но не будет побеждено уныние и теперешний демонический или же неврастенический индивидуализм. Внешнее объединение в определенных целях сравнительно легко устанавливается принудительной или даже добровольной дисциплиной, своего рода социалистической муштрой, но она нисколько не устраняет ужасов одиночества и разъединения и в царстве социализма, и экономического коллективизма. Действительное объединение людей может быть только мистическим, религиозным, и, насколько стремятся достигнуть его вне религии, это есть совершенно недостижимая цель. Нельзя отрицать ценности и значения благородных усилий современных гуманистов, уничтожить внешние причины зла и вражды, но они глубоко заблуждаются, если думают, что устранением внешних препятствий положительным образом разрешается вопрос о свободе и равенстве. Экономический союз, социалистическое государство, может устранить внешние перегородки, существующие между людьми и грубо нарушающие справедливость, но он лишен творческой силы объединения, какую имеет только религиозно-мистический союз веры и любви, утверждающийся на реальном мистическом единстве, т.е. Церковь. Только

Церковь может ставить себе и способна разрешать задачу, за которую берется социализм, задачу объединения и организации человечества на основе благодатных даров, данных Спасителем, на основе любви к Нему, одновременно и личной, и общей *. Те же, которые заранее отрицают religio, т. е. единственную реальную внутреннюю связь между людьми, устанавливаемую общею их связью со Христом, строят свое здание на песке, не понимая действительной природы человеческого общения. Всемирно-историческое удаление блудного сына из дома отца, эпоха гуманизма, в течение которой человечество испытывает свои силы и делает отчаянную попытку устроиться и прожить без Бога, имеют свой смысл и свою необходимость. В устроении Царствия Божия, которое есть процесс богочеловеческий и основывается на самодеятельном усвоении человечеством божественного содержания жизни, необходимо свободное развитие чисто человеческой стихии, проба сил на стороне; поэтому гуманистический, внерелигиозный, даже антирелигиозный период исторического творчества необходим для богочеловеческого дела. Представляя собой явную односторонность и обнаруживая окончательное свое бессилие, он в то же время осуществляет собой диалектический момент развития, религиозный антитезис, ведущий к высшему синтезу. Но не все человечество ушло из отчего дома, там оставался старший брат, который все время был при отце и с таким ревнивым недоброжелательством встретил возвратившегося брата. Что происходило с ним, что было с людьми церкви в этот внецерковный и даже антицерковный гуманистический век? Нельзя отрицать, что они приняли за это время некоторые черты духовного облика старшего брата, как он изображен в евангельском рассказе. При верности и строгости своего служения они вместе с тем усвоили высокомерно-недоброжелательное и фарисейски-мертвенное отношение к младшему брату, который хотя и «согрешил пред небом и пред Отцом» во время своих странствий, но сохранил открытую живую душу. Помиряются ли и поймут ли друг друга оба брата? Вот великий и роковой вопрос, который ставится теперь историей. Раскол жизни на «светскую» и церковную, внецерковность и внерелигиозность (отчасти же и антицерковность и антирелигиозность) современной культуры и внекультурность (отчасти же и антикультурность) современной церкви вносят разлад и двойную бухгалтерию даже в души тех, кто сознает всю историческую относительность и внутреннюю ненормальность этого раздвоения. Создать подлинно христианскую, церковную культуру и возбудить жизнь в церковной ограде, внутренне победить эту противоположность церковного и светского—такова историческая задача для духовного творчества современной церкви и современного человечества. Высказанная мысль, вероятно, оскорбит многих церковных людей старого закала. Церковь мыслится ими как совершенная полнота благодатных даров, которую нужно только хранить согласно преданию, и поэтому речь о новом творчестве, по мнению их, будет неуместна. Такому воззрению на церковь, согласно которому ей приписываются лишь функции охранительные, консерватизм предания, мы противопоставляем идеал церкви творящей, растущей, развивающейся. Как учреждение богочеловеческое, она имеет неподвижную мистическую основу в лице своего Божественного Главы и содержит истинное догматическое учение о Нем, но другой стороной своего бытия она предполагает человеческую стихию, развивающуюся исторически в границах пространства и времени. Взаимодействием мистической основы и человеческой стихии и обуславливается исторический прогресс церкви, призванной вводить историческое человечество в сферу Царствия Божия. Поэтому было бы также ошибочным ограничивать и область влияния церкви, а следовательно, и церковной жизни, или, точнее, жизни в церкви какой-нибудь одной узкой сферой, например, богослужения или храмового благочестия. Благодаря этому неправомерному сужению понятия церкви в привычном словоупотреблении она обычно понимается лишь как церковь-храм, но не как церковь-человечество, церковь-культура, церковь-общественность, и это сужение сферы влияния и жизни церкви и является главной причиной, а вместе и симптомом ее исторической слабости в данный момент. По идее религия, а следовательно, и церковь как область религиозной жизни должна быть всем, распространяясь на все области жизни верующих. Не должно быть ничего, принципиально «светского», не должно быть никакой нейтральной зоны,

которая была бы религиозно индифферентна, не имела бы того или иного религиозного коэффициента. Духовная деятельность исторического человечества, т. е. культура, овеществляющаяся и во внешних материальных объектах, и в продуктах духовного творчества, должна вырастать, также на духовной почве церкви, в церковной ограде, ею должны святиться, находясь в интимном общении с ней, все стороны жизни. До известной степени осуществлялось это требование в средние века, но ценою духовного деспотизма, пора которого навсегда миновала. За свое отрицание прав свободного творчества средневековая церковь поплатилась, с одной стороны, гуманистическим отторжением от нее наиболее деятельной ее части, а с другой,—своим собственным духовным оскудением. Следствием угашения духа и враждебного противопоставления стихий светской и церковной и явилось вырождение, извращение церковной жизни и деятельности за пределами храма. Церковная организация стала не творческой, но консервативной и даже реакционной силой истории, оказавшись в естественном и прискорбном союзе с темными историческими силами, при этом унижаясь до роли, совершенно уже не соответствующей ее достоинству. Но если церковная организация не должна остаться навсегда крепостью обскурантизма и реакции и быть приютом более для усталых и отсталых, чем для работников и мужей, то необходимо должна начаться, рядом с общей молитвой, и общая соборная жизнь в церкви, жизнь, полная духовных даров, в том размахе и диапазоне, от которого не может и не должен отказаться современный человек, даже если бы он этого хотел, а следовательно, должно начаться и культурное творчество. Церковная ограда должна вместить в себе не один только дом для инвалидов и богадельню, для которых в ней находилось место до сих пор, но и рабочую мастерскую, и ученый кабинет, и художественную студию. Должна вновь возродиться церковная жизнь, но не на основе инквизиционного режима, а на основе свободного общения и соборного творчества, так чтобы для участия в творчестве культуры не нужно было удаляться в «страну далеку», за пределы соборной жизни и церковного общения. Итак, христианская культура, церковное творчество, направленное ad extra,—такова всемирно-историческая задача, которая ставится нашему веку. Не наше дело спрашивать, в какой мере осуществима эта задача,—это решит за нас Высшая воля, мы только должны определить, действительно ли она существует, и, если да, должны усиленно работать для ее разрешения. Трудно себе представить, насколько изменилась бы вся наша жизнь, какими радужными красками расцвятилась бы она, как стала бы легка и благостна, если бы вспыхнуло подлинное пламя христианского творчества и вдохновения, если бы в церкви восстановилась та полнота жизни, которой жаждет современный человек. Ожила бы внутренне наука, которая перестала бы томить мертвой и безыдейной специальностью, оторванной от целого, или же муками Фауста, следствием пустого и нелепого притязания поставить часть вместо целого, заменить одной наукой и философию, и религию. Сколько праздных вопросов, навязанных ей этой несвойственной функцией, и связанных с ними праздных теорий, отвлекающих так много умственных сил, отпало бы вследствие этого освобождения науки из тисков позитивизма и материализма, вследствие восстановления связи с религиозными корнями. И философия, оплодотворившись религией, получила бы силы выйти из трясины импотентного скептицизма и бесплодности, в которой она теперь находится. Одно из двух: или европейская философия совершила уже свой цикл развития и сказала последнее слово (как думал в последние годы жизни Вл. Соловьев) или же возрождение ее может совершиться только на почве нового религиозно-мистического углубления. Лишь при этом условии может быть снова испытана радость метафизического творчества, дело великих мыслителей найдет себе новых продолжателей, и творческий разум. Логос, победит «отвлеченные начала» современной философии и произнесет над ними суд. Еще большую важность должно иметь христианское искусство. Ведь, может быть, именно в направлении искусства и лежат новые откровения, ибо неложно слово, что «красота спасет мир», что «совершенное искусство в своей окончательной задаче должно воплотить абсолютный идеал не в одном воображении, но и в самом деле, должно одухотворить, пресуществить нашу действительную жизнь» *. Но, конечно, эта задача не только не по силам, но просто даже не

вмещается в сознание теперешнего искусства, насколько в нем господствует бескрылый натурализм, утилитарная тенденциозность или же бессильный эстетизм. Новые сферы действия и новые задачи искусства под силу только новому, религиозному искусству, мистерии будущего. Если бы создалась, наконец, эта христианская, церковная общественность, то и социализм потерял бы свой мертвенный характер, какой он имеет теперь, приуроченный к узкой классовой основе; он стал бы живым воплощением вселенской евангельской любви и перестал бы соединяться с духовным опустошением, которое узостью своей проповеди он вносит в сердца своих адептов теперь. Вся вообще политическая и социальная жизнь потеряла бы тот нудный, прозаический оттенок, какую-то бескрылость, которая чувствуется теперь, получила бы вдохновенный и пророческий характер. И вся культура, освещенная внутренним светом, оказалась бы светопроницаема, полна света и жизни. Задача эта превышает не только силы, но и разумение одного поколения, это идеал, а не практическая программа. Но этот идеал даст вполне определенные указания, создаст соответственные настроения и чувства и заставляет бороться с настроениями, чувствами, мнениями, ему противоречащими. Противоречит же ему тот дух отрешенности, который прочно утвердился в современном церковном сознании и который питается самодовольным, но безосновательным мнением, что в «культуре» всецело царит темное, сатанинское начало. Между тем там ключом бьет жизнь, которой не нашлось места в церковной ограде, накаплиется всемирно-исторический и общечеловеческий опыт, который необходим и для церковного сознания; ведь даже и с строго догматической точки зрения допустимо так называемое «естественное» откровение, и кто же поставит ему границы и пределы, кто скажет, что нет ему места в теперешней «светской» культуре? Поэтому нужно любовно, без кичливости, но с христианским смирением открыть свое сердце «светскому» миру и, может быть, тогда и старший брат вместе с Отцом дождетя радостного дня, когда увидит, что блудный сын был мертв и ожил, пропадал и нашелся. И с той и с другой стороны должна быть признана обоюдная вина и принесена духовная жертва, и тогда естественно возникнет взаимное притяжение, и воссоздастся живая, творящая, взыскующая грядущего града, воистину воинствующая церковь. «Се стою у дверей и стучу...» _____ * В.С. Соловьев. Общий смысл искусства. Собр. соч., т. VI. «Если скажут,—добавляет он,—что эта задача выходит за пределы искусства, то спрашивается, кто установил эти пределы». Расширение церковного самосознания необходимо и для завершения всемирно-исторической трагедии, для окончательного выявления сил добра и зла, и грани, их разделяющей. Пока существует обширная религиозно-нейтральная зона «светской» культуры, последнее решительное столкновение добра и зла не созрело для последней жатвы, ибо не может быть осознано во всей своей широте и непримиримости. «Ничто в мироздании не должно остаться двусмысленным» (Шеллинг). Лишь при внесении света в неосвященные доселе области обнаружатся светопроницаемые точки. Пока облеченная в солнце жена скрывается в пустыне, не раскрыта еще вся противоположность между невестой Христовой, в брачном убранстве ждущей Жениха, и женой, сидящей на одре багряном, облеченной в порфиру и багряницу, с именем на челе: тайна, Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным (Отк 17: 5). Пусть же загорится скорее этот пламень религиозного вдохновения, который озарит собой мир и культуру, и тогда поднимется человечество на высшую, последнюю ступень всемирноисторического и религиозного сознания. Ей, гряди. Господи Иисусе!

1906 г.

Священник Георгий Кочетков:

Преодоление раскола между светским и духовным в человеке и обществе

Богословие и философия

* Выступление на конференции «Православие и государственная власть в России в XIX–XX веках» (Санкт-Петербург, 14–16 июня <st1:metricconverter ProductID="1994 г" w:st="on">1994 г</st1:metricconverter>.) и на Меневских чтениях (Москва, 7 октября <st1:metricconverter ProductID="1994 г" w:st="on">1994 г</st1:metricconverter>.)</p></div>

<o:p> </o:p>

<o:p> </o:p>

Я хотел бы здесь поделиться некоторыми мыслями, некоторыми вопрошаниями, которые иногда возникают в духовной практике, в частности, в священнической практике, в практике катехизационной и практике обучения, как и вообще в христианской жизни в наше время. Эти соображения, мне кажется, имели бы значение для осознания некоторых специфических проблем как прошлого, XIX, так и нашего, XX, уже уходящего века.</p></div>

Не раз говорилось о том, что с Петром I началась новая эпоха в нашей истории, новая эпоха государственно-церковных отношений. Высказывались и радикальные мнения о том, что это была эпоха скрытых гонений на церковь. Может быть, так, одним словом, ее характеризовать нельзя. Это может получиться односторонне, тенденциозно, но тем не менее основания для таких суждений безусловно существуют.</p></div>

XVIII век создал предпосылки для новых, очень серьезных *разрывов*, разрывов традиции, разрывов между жизнью общества и церкви, разрывов в жизни личности, которые имели и имеют большое значение. В XIX веке церковь постепенно устремляется к освобождению от них. И в XX веке начинается совершенно особая история, когда продолжают одновременно все линии, намеченные прежде, не сводясь одна к другой.</p></div>

Среди таких внутренних разрывов, или вернее, разрывов, с которыми мы постоянно сталкиваемся внутри, в душе и духе человека, есть, например, разрыв между *внешним и внутренним*. Еще не так давно мы постоянно слышали разговоры о том, что, мол, верить надо в душе, и вообще вера — глубоко интимное дело, и поэтому даже говорить о вере несколько неудобно, не то что спорить и как-то выносить вопросы веры на всенародное обсуждение. Это считалось просто нетактичным, для многих даже немислимым. И до сих пор это нередко так.</p></div>

Противопоставление внешнего и внутреннего — одна из характернейших черт современной жизни, внутренней жизни человека. И я хотел бы на этом сконцентрировать внимание, потому что этот разрыв мне представляется очень серьезным. Он имеет, так сказать, многие выходы и в область мысли, и в область духа, и в область «тел и дел» человеческих.</p></div>

Вообще говоря, это тот разрыв, который невольно или вольно ведет к языческому развоплощению. Евангелие же нам говорит против этого. Евангелие утверждает: «Кто сотворил внешнее, Тот сотворил и внутреннее». Увы, об этой евангельской строчке вспоминают не часто.</p></div>

Конечно, я не хочу сказать, что нельзя различать эти вещи. Их надо различать. Причем очень часто их необходимо не только различать, но и иерархически устанавливать. И тем не менее я не случайно сейчас обращаю внимание именно на этот «еретический» разрыв между внешним и внутренним, постоянно присутствующий в жизни современного человека и общества.

С другой стороны, есть более конкретные аспекты этой проблемы. Иногда спрашивают, почему духовный человек не должен быть обходительным, вежливым, предупредительным, умеющим лишний раз не отягощать собой, своими переживаниями и чувствами близких и собеседников? То есть почему ныне духовное (иначе говоря, церковное) очень часто просто отрицает культурное, или то, что мы называем светским в культуре, в частности, то, что мы называем в полном смысле слова светскими манерами? Почему очень часто в духовной, церковной среде считается чуть ли не хорошим тоном поступать прямо наоборот? Иногда это пытаются оправдать псевдоаскетическими соображениями, а иногда это и вообще ничем не оправдывается. Но здесь можно задать и другой вопрос: почему светский человек не должен или не может иметь христианских нравственных принципов и жить строго по ним? Этот совершенно конкретный аспект соотношения внешнего и внутреннего мне представляется тоже очень важным.

Хотелось бы теперь немного точнее определиться в понятиях. Что я подразумеваю здесь под *светским* и *духовным*, коли мы начали говорить о разрыве, существующем между ними, и о необходимости его преодоления?

Я хотел бы утверждать, что светское — это прежде всего не всегда и не во всем *мирское*, т. е. надо различать светское и мирское. Очень часто эти вещи путают, чего делать нельзя, ведь мирское (например, торгашество) в тех или иных отношениях может быть низменным в глазах, так сказать, высшего света, устанавливающего соответствующие нормы светскости. Таким образом, светское может не быть мирским, как и лишь, скажем так, мирянским. Конечно, когда мы говорим «мирское» или «мирянское», мы вспоминаем, что мир может быть соответственно миром сим, лежащим во зле, и миром Божиим. И это различие для нас тоже принципиально важно. Но «мирское» всегда более адресуется к первому.

Важно отличать не только светское от мирского, но, в частности, и светское от *государственного*. При этом государство может быть различным, оно может быть демократическим, аристократическим, бюрократическим, монархическим и теократическим. Не однажды в истории были попытки создать именно как светское, так и духовное христианское государство, но это делало его лишь более идеологическим, похожим, допустим, на пролетарское, партократическое и так далее. В любом случае светское может распространяться на ту или иную часть государственной, как и вообще мирской, жизни, но не может отождествляться с ней.

Не может также отождествляться светское с вообще *секулярным*. Секулярное, как и стремящиеся к отождествлению с ним его части — мирское и государственное, всегда принадлежит только веку сему и миру сему, а светское может иметь и иные, более духовные и высшие основания.

Светское также не тождественно *культурному*, ибо культура может быть не только аристократической, но и народной, лубочной и еще чем-то подобным. Однако мы знаем собственно духовную и светскую культуру, и это неотъемлемо от нее.

Впрочем, и *духовное* может быть различным. И это понятие требует, как известно, внимания, потому что необходимо «различать духи». Духовное не всегда означает христианско-духовное,

православно-духовное.

Также и светское, которое может быть отражением и мира «света» и света «мира», не обязательно означает, что эти «свет» и «мир» — христианские. Все начинается с человеческой индивидуальности и кончается личностью человека, в котором должно быть единство в Духе Святом, некая особая духовно-душевно-телесная благодатная, светлая и мировая целостность, которая может распространяться через такую человеческую личность и на общество в целом или в той или иной его части.

На мой взгляд, светское всегда говорит нам именно об *элитности*, или *иерархичности и качестве, форм человеческой, родовой и общественной жизни*. Да, это разговор более о формах, но в их качественном и (или) иерархическом измерении. Светское часто путают или с мирским, или государственным, или секулярным, или культурным, не учитывая не только точки их пересечения, но и расхождения между этими понятиями, именно поэтому, может быть, и возникает большая путаница. Но, повторяю, это разговор о формах, и не только о внешних формах, но и о внутренних формах жизни мира, человека и общества, т. е. об ее смыслах. Еще раз хотел бы напомнить евангельские слова: «Кто сотворил внешнее, Тот сотворил и внутреннее». Здесь это можно применить и к формам жизни, и к жизни форм. Все смыслы обретаются на пересечении, перекрестке светского и духовного. И одно без другого в тварном мире не существует.

Теперь интересно было бы посмотреть, как в России исторически проявлялись в XIX — XX веках противоречия, сближения и разрывы между светским и духовным в человеке и обществе. Так, мы можем сразу вспомнить целый ряд великих примеров в XIX веке. В середине века вдруг появились западники и славянофилы. Алексей Степанович Хомяков, блестящий офицер, человек дворянской культуры, был в то же время молитвенником, христианским мыслителем, церковным человеком, проникнутым единством духовной жизни. В конце XIX – начале XX веков в России вслед за Европой, особенно Францией, наблюдалась тенденция к еще большему сближению двух миров, светского и духовного, сближению то механическому, то органическому. Не случайно в конце XIX — начале XX веков стал писателем-моралистом граф Лев Николаевич Толстой, и именно как церковные православные богословы и светские философы работали князья братья Сергей и Евгений Николаевичи Трубецкие. Тогда же пишет благочестивые стихи и пьесы великий князь Константин Романов, возрождает институт диаконисс в церкви великая княгиня Елизавета Федоровна и так далее. Что уж тут говорить о XX веке, когда представители светского общества часто были поставлены в такие обстоятельства, что для них самым естественным делом было принятие сана, работа в области богословия, церковной истории и т. п.!

Думаю, что совсем не случайно, а в связи с этим стиль, распространенный в конце XIX — начале XX веков, назывался модерном, легко оборачиваемым как вперед, так и назад. Этот стиль был и традиционным, и совершенно новым, оригинальным. Он очень ярко прослеживается в церковной культуре и в то же время, конечно, в культуре светской. Мне вспоминается фотография епископа Феодора (Поздеевского), ректора Московской духовной академии, со своими иподиаконами. На ней просто бросается в глаза целый ряд таких моментов, как, например, высокие белые стоячие воротнички, стрижка и т. п., которые ясно говорят о том, что эти люди, при всей традиционности их облачения и поз, внутренне сильно сориентированы на какие-то светские формы жизни и проявляют явное стремление к утончению вкуса и манер. Это мне представляется очень характерным для того времени, более характерным, чем это было прежде в нашей стране и церкви.

Без светской культуры даже ученый монашеско-аскетический духовный мир как бы страдает и может редуцироваться, так же как без духовной культуры страдает и редуцируется светский

мир. Думаю, что именно потеря иерархичности и качества форм жизни, в том числе потеря светской культуры в нашем обществе и нашей церкви, ныне приводит к тому, что многие духовные, церковные течения и сейчас делают ставку на контркультуру и при этом иногда впадают в сектантство.

Впрочем, возвращаясь к XIX веку, можно было бы наряду с Хомяковым вспомнить и многих других людей, для которых существовал трагический раскол светского и духовного, когда приходилось жестко выбирать или одно, или другое, например, или светскую жизнь, или духовную жизнь, жизнь аскета. Думаю, что тут важно было бы вспомнить святителя Игнатия (Брянчанинова). Для него светское, от которого ему нужно было отойти из церковно-аскетических соображений, ассоциировалось и с мирским, и государственным, и секулярным, и культурным, а духовным для него было, следовательно, не мирское, не государственное, не секулярное, не культурное, а монастырское, церковное, аскетическое и культовое.

И в этих искусственно параллельных мирах устанавливались свои параллельные духи и смыслы, качества и иерархии, свои параллельные представления о дисциплине, об определенных внешних формах жизни, о требованиях, наказаниях и т. д.

Боялся еще, как это ни покажется странным, «духовной светскости» и «светской духовности» даже вполне «модерновый» о. Павел Флоренский. Его страшный испуг перед картиной как светским искусством всем хорошо известен (вспомним его «Иконостас»).

Итак, почти 200 лет назад, в начале XIX века, настоящий разрыв между светским и духовным проявлялся очень явно и ярко. Взять хотя бы традиционный пример — Александр Сергеевич Пушкин и преп. Серафим Саровский, которые были современниками и очень мало друг о друге знали (не говоря уже о всей истории того времени, связанной с переводом Библии на современный русский язык). Но уже в конце XIX — начале XX веков люди светские, хотя, может быть, малоцерковные, такие, как, например, Антон Павлович Чехов, могли буквально хвалиться церковными книгами и восторгаться церковными людьми, которых они высоко ценили. Вспомним, что Чехов к концу жизни носил с собою фотографию епископа Михаила (Грибановского) и постоянно читал его книгу «Над Евангелием». Тогда уже пробудилось стремление «воцерковить жизнь». Отчасти именно это повлекло за собой декларации «нового религиозного сознания», воодушевляло Мережковских, Бердяева и других. Впрочем, развитие шло не только в этом направлении, но и в области общецерковной и общественной жизни. Наконец-то была почти осознана трагедия разрыва духовных традиций и иных сторон жизни человека. Как раз в конце XIX — начале XX веков, как мне представляется, наблюдается стремление к воцерковлению даже «внецерковной традиции истинной веры» (см. мою статью «Вера вне церкви и проблема воцерковления», опубликованную в журнале «Православная община», № 1, 1994 г.). Так что не случайно начало XX века обозначилось и религиозно-философскими собраниями, объединяющей деятельностью архиепископа Сергия (Страгородского) и высшей светской интеллигенции. Неудачное, на мой взгляд, продолжение этой линии мы видим в обновленчестве. Ведь тоже совсем не случайно, а как аргумент «за» свою деятельность в церкви митрополит Александр Введенский на протяжении многих лет постоянно как бы особо подчеркивал свою светскую культуру, знание литературы, музыкальную культуру и т. д. Не случайно именно в это время обновленчеством вводится и женатый епископат. Не случайны именно эти явления. Они не возникают на пустом месте, они подчеркиваются, ибо имеют большое значение.

Хотелось бы отметить еще раз, что различать светское и духовное совершенно необходимо, как и дух и смысл в самих светском и духовном. При этом надо всегда помнить, что человеческий

свет в светском отличается от Света божественного в духовном. Поэтому и необходимо не сливать и не разделять их, но лишь поскольку духовное — от Бога, а светское — не от мира сего, т. е. не просто мирское или секулярное.

Может быть, стоит вспомнить и еще некоторые чаяния начала XX века, когда заходила речь о «новом средневековье»: мир сей, падший, который так существенно грозит каждому верующему, духовному, церковному человеку, не должен сливаться в представлениях людей с жизнью мира Божьего, и отрицание мира сего как мира, лежащего во зле, не должно переходить в отрицание Божьего мира.

Государственная жизнь, конечно, тоже не может не отражать в себе этих же процессов и тех же проблем. И сейчас можно говорить и, наверное, даже нужно настаивать на том, чтобы государство было заинтересовано не только в колбасе и пушках, но и в развитии духовных начал в обществе, в каждом человеке и гражданине. Тогда только этот человек и это общество в своем государстве сами, хотя бы отчасти, защитят себя и других от преступлений, коррупции и т. п. И при этом государство совсем не обязательно должно становиться конфессиональным, ведь оно защищает всех граждан и как бы гостей организуемого им общества, которое вряд ли когда-либо может стать моногенным.

Создание подлинно светского (духовно-аристократического) государства и поддержка такой же светской культуры — одна из задач, в решении которой должны быть заинтересованы в первую очередь церковные и национальные силы. Светское государство может и должно быть достижением именно христианской культуры и христианского духа, христианского общества. Борьба за права личности, начатая еще в Библии, в Ветхом завете, также может и должна составлять заботу церкви. К сожалению, сейчас светское пока еще слишком слабо, оно оторвано от церковного, и поэтому стало для многих лишь мирским или секулярным, а в лучшем случае, — государственным или культурным.

Таким образом, необходимо признать, что в церкви есть место не только Духу Божьему и духу человеческому, но и подлинно светскому, также воплощенному во множестве смысловых форм, форм жизни. Противоречия между ними разрешаются, как в антиномии, не формально и в Духе Божьем.

Раскол между светским и духовным (церковным), этими двумя сторонами жизни человека и общества, конечно, греховен. Спасение от всякого разделения и раскола внутри человеческой жизни, как и внутри общественной жизни, — это спасение во Христе и в Его Церкви, если только не забывать, что христианство — не религия, оно не охватывает пусть высшую, но только часть жизни человека.

Конечно, когда мы имеем дело с расколом между духовным и светским, мы видим и издержки этого. Часто церковь, желая преодолеть этот раскол, но недоучитывая разницу, например, между светским и государственным, кидается в объятия государству именно потому, что не ощущает в себе силы и власти регулировать в полноте ту и другую важную часть реально существующих отношений людей. Все подобные, как и обратные, тенденции опасны.

Тот же разрыв приводит к опасностям раскола сознания, к страху, фобиям в человеке, к расколу в обществе. Авторитарное подавление той или другой части жизни человека приводит к загнанию внутрь многих проблем, которые волнуют человека, которыми он живет.

Не случайно в наше время популярны, допустим, работы о Серафима (Роуза), несмотря на всю яркость его сектантского сознания. Они распространились по всей стране и свидетельствуют

как раз о том, что у многих есть вот такая же, как у него, сектантская подозрительность к полноте общественной, человеческой и церковной жизни, содержащей в себе и светский элемент. Отсюда же проистекает и характерное для многих наших верующих современников недоверие к светским книгам, к философии, к свободной творческой деятельности человека. Это приводит к тому, что в церкви и обществе легко соединяются красно-коричневые силы, наносящие им столь большой вред.

Действительно, главная наша проблема — это полное воцерковление. Об этом писал еще в конце XIX века, в 1886 году, еп. Михаил (Грибановский) в статье «В чем состоит церковность?» («Православная община», № 1, 1991 г.). Об этом же много писали и позже. Только искомое «воцерковление» нужно отличать от «прицерковления», когда человек облачается лишь во внешние одежды церковности, когда человек не может адекватно соединить в себе форму и содержание, дух и плоть нашей жизни и веры.

И в заключение я хотел бы привести еще одно соображение. Часто возникает вопрос: почему верующие, церковные люди так легко идут на компромиссы в своей жизни, иногда даже на тяжелые грехи? Почему они имеют так мало сил для сопротивления грехам личным и общественным, которые могут проявляться, например, в клевете или каком-то ином подобном серьезном действии, несмотря на то, что они очень серьезно осуждаются церковью, начиная, может быть, еще с ветхозаветных времен? Мне представляется, что если нет именно светского, а потом и народного презрения к духовному падению, т. е. ко греху, кем бы и как бы он ни совершался и чем бы ни оправдывался, то мы всегда будем иметь такой результат, мы никогда не сможем действительно бороться с грехом, находить более узкие пути, чем путь компромисса, как не сможем брать на себя и ответственность за суд чести, за суд, к которому призывает нас Евангелие (вспомним из Евангелия от Иоанна: «Не на лица судите, сынове человечесии, но праведен суд судите»).

Это одна из очень больших внутренних проблем, которая, конечно, проявилась во многих сторонах нашей истории. В конце концов, когда мы обсуждаем компромисс митрополита Сергия (а никто не сомневается, что это был именно компромисс, он лишь по-разному оценивается), то мне представляется более уместным задать вопрос, а почему он должен был идти на этот компромисс, почему он был поставлен в такие условия, что другой путь для него был как бы невозможен? По моему убеждению, митрополит Сергий действительно был поставлен в такую неблагоприятную ситуацию, но не сам он ее придумал, не сам ее создал. Если он хотел сохранить церковь такой, какой она сама в то время себя осознавала, он должен был поступать так, как он поступал, ибо у него не было иного выбора. Но все же почему?

Не раз уже говорилось о том, что Русская церковь после 1917 г. вступила в историческую полосу, подобной которой никогда прежде не было. На мой взгляд, это верно. Но только все же в общехристианской истории мы находим периоды, когда церковь была приспособлена всем своим устройством и всем своим направлением жизни и духа к существованию, независимому от идеологического давления извне, особенно со стороны государства. А к XX веку церковь, увы, подошла совершенно иной, отчасти именно потому, что она, сохраняя и углубляя разрыв светского и духовного внутри себя, привыкла жить под покровительством государства, с определенными финансовыми дотациями от него и т. д. и т. п. Но в такой церкви не хватило, да и априори не могло хватить мобильности и сил, чтобы перестроиться в новых тяжелейших условиях. Она стала слишком как бы исторически плотной, слишком массивной, тяжелой, кондовой, инерционной. И такую церковь провести через узкие врата гонений без потерь было уже невозможно. Вот и приходилось чем-то важным жертвовать, т. е. идти на компромисс, ведь ей нужно было сохранять большие и богатые храмы и в них дорогостоящее богослужение,

нужно было сохранять оторванную от общины иерархию и т. п.

Тот опыт, который в результате все-таки был нам дан действительно по промыслу Божьему, во всей нашей истории XX века, в истории Русской церкви, русского человека, русского общества уникален, но он еще до конца не собран и не осознан.

Церкви очень важно скорее возродить те подчас пророческие, не инерционные и не кондовые потенции, которые она имела на протяжении своей истории и которые так ярко выражала в первые века своего существования, когда могла действительно быть совестью всего общества, когда могла действительно обличать, не боясь самое себя и других. Только тогда мы сможем не повторять старых ошибок и не идти на тяжкие компромиссы с совестью.

Вот и в этом контексте мне представляется важным говорить о преодолении раскола между светским и духовным в человеке и обществе.

Ниже с небольшими сокращениями мы публикуем ответы о. Георгия на вопросы, заданные в процессе дискуссии, развернувшейся после выступления на конференции в Санкт-Петербурге.

А. В. Щелкачев (Свято-Тихоновский богословский институт, Москва). Я, наверное, недостаточно знаю произведения о. Серафима (Роуза) и хотел бы спросить: не могли бы Вы конкретнее сказать, в чем Вы видите его сектантскую ограниченность по отношению к светской культуре?

о. Георгий. Это ярко видно вообще во всех его книгах, но особенно ярко — в книге «Православие и религия будущего». Он выступает с позиций узкоконфессиональных традиций, очень буквально понятых. Я сейчас не могу привести никаких фрагментов, у меня с собой нет этой книги, но его отношение, допустим, к православным мыслителям явно сектантское. Характерна его закрытость, и поэтому полное отрицание, например, экуменического движения. Он же не говорит там о тех или иных экуменических организациях, которым можно предъявлять какие-то счета и претензии. Он говорит о самом принципе отношения христианина к нехристианину, православного к неправославному. Для него это все — явления сатанизма, больше ничего. Причем существует только свет и тьма, больше ничего, т. е. не существует промежуточных этапов, промежуточных красок. И хотя он собирает иногда очень интересный материал, его выводы являются не только нецерковными, но, может быть, даже антицерковными, потому что они закрывают церковь, закрывают духовную жизнь человека. Они прикрывают колпаком априори известных суждений всякую такую деятельность. Мне кажется, что для него и ему подобных характерно именно это неумение разобраться в том, что не все, что называет себя православным, может быть православным, и не все, что называет себя неправославным, может быть неправославным. Вообще нежелание даже ставить такие вопросы очень характерно для этого направления духовной жизни. Мы видим это и сейчас. Очень широко распространены разного рода брошюры, написанные с точки зрения подозрительности ко всякой культуре. И к культуре, и к цивилизации. Ведь эти вещи требуют оценки и требуют различения внутри них самих. Это, конечно, труднее всего сделать. Но это надо делать, иначе мы отказываемся от своего христианского призвания.

Вот поэтому я привел пример именно о. Серафима, как просто всем известного автора и наиболее однозначного в этом.<o:p></o:p>

В. К. Котт. Будьте добры, о. Георгий, скажите, что для Вас сектантство? Что Вы под этим подразумеваете?<o:p></o:p>

о. Георгий. Сектантство по самому значению слова есть стремление выдать часть за целое. Берется часть, иногда совершенно правильная, с которой можно согласиться, но эта часть выдается за целое. Говорится: вот это все, вот это вся истина, это вся церковь, и искать больше нечего. Это очень жесткое установление границ, настолько жесткое, что проникнуть Духу разума туда уже невозможно. Поэтому сектантство — это всегда умаление Духа, свободы Духа прежде всего, и свободы человека, той свободы, которую дал нам Христос.<o:p></o:p>

А. В. Антонов (редактор старообрядческого журнала «Церковь»). О. Георгий, тогда христианская церковь первых веков тоже была сектантской, когда она беспощадно рушила языческие памятники, прекрасные памятники? Она не обладала музейным измерением сознания, ведь музей примиряет все традиции. Первая церковь не обладала таким сознанием, она спокойно рушила эти памятники, ничего не жалела... Потом она стала окультуриваться, скажем, именно такое светское получила измерение... И вот вопрос: онтологический статус светского — это как бы не Божее?<o:p></o:p>

о. Георгий. Да, то дух человеческий. Это уже из области антропологии, того оправдания человека, о котором Вы прежде говорили, что очень важно, потому что этот вопрос всегда был, и был он спорным. Представление о первоначальной церкви, которая спокойно рушила статуи, уничтожала античную культуру, потому что для нее это была не культура, а просто идольское создание, это, думается, ренессансное представление. Тогда стали утверждать ценность музеев, и статуй, и архитектуры, и каждого камня, тогда все, что повреждалось хоть немного, причем часто просто исходя из какого-то жизненного императива (мы сейчас все это оправдали бы нормальным течением жизни), — все это бралось под подозрение, будто церковь изначально была такая мракобесная. Мы еще недавно все это слышали на экскурсиях от советских экскурсоводов, будто сбивались или варварски реставрировались фрески в Киеве или во Владимире, будто переписывались иконы и все перестраивалось, будто это было плодом варварства церкви и т. д. и т. п.<o:p></o:p>

Желание подогнать историю церкви и образ церкви под заранее подготовленный ответ, представить ее как мракобесное учреждение — вот это порождено в большой степени Ренессансом. А история свидетельствует как раз о другом. Я не говорю про величайших святых отцов, которые все были прекрасно «эллински» образованы. Я не говорю про специальные трактаты типа трактата Василия Великого «Как юноше читать античных философов». Конечно, вы можете мне сказать, что таких трактатов немного, и это правда. Но, во-первых, они есть, и, во-вторых, они всегда признавались церковью, они никогда не были в тени, они, это важно, читались! Хотя были и разные тенденции. Сознание, чем оно было более апокалиптическим, тем меньше оно принимало в расчет какую бы то ни было культуру. Но это характеристика самого этого сознания. Оно всегда будет. Но церковь никогда не была здесь совершенно одномерной. Были люди, выдающиеся люди, и святые, которые имели вот такое ярко выраженное апокалиптическое сознание. А другие, которые могли быть более эсхатологичны, чем апокалиптичны, уже все это многообразие красок учитывали и не забывали о нем. Они думали и о судьбах нации, государства и культуры. Всем это известно. Иначе не была бы создана такая великая христианская культура. Это мне кажется важным.<o:p></o:p>

А. В. Антонов. Вы затронули уникальный, ну, просто болезненный вопрос. И второй момент. Есть понятие воцерковления. Это Флоровский немножко, и святые отцы... Об этом Вы сказали

и в своем докладе. Я понимаю, что это проблемы. Я сам мучаюсь этими проблемами, но решение их очень тяжело дается. Вы представьте, античность создала театр. Театр — это вообще квинтэссенция античного. Но христианство порубило театр на корню. Почему? Аверинцев, наш авторитетный культуролог, пишет, что не то, что театр что-то непристойное ставил, например, а сам вид зрелища, сама форма лицедейства осуждалась христианством в принципе. Но тот же Флоренский пишет «Храмовое действие как синтез искусств»... Христианство фактически воцерковляет театр. Ну, это надо понимать правильно, что театр перемещается в храм, т. е. храм существует сам уже как некое литургическое действо, священнодействие...<0:p></0:p>

о. Георгий. На Западе это часто так.<0:p></0:p>

А. В. Антонов. Но Вы представьте теперь другое — что это достаточно уже воцерковлено... Храм как полнота, как плиромма, она все в мире включает, но теперь с этой полнотой, в которой потом человеческая пассионарность выдыхается, христианство хиреет, вдруг возрождается отдельный театр в том античном смысле, снова как лицедейство. Ну, можно его, например, по-старообрядчески отрицать. Но о. Георгий дает мне антитезис: Александр Васильевич, а театр-то уже не такой. Тут, скажем, христианская проблематика, а там, скажем, «Вишневый сад», Чехов со своими проблемами души. Я согласен, это уже другой театр, но он же живет опять рядом с церковью. Тогда возникает новая проблематика. Мне кажется, что это богословски как-то не проработано. Я не видел ни у кого. Найдете, дайте, я буду счастлив.<0:p></0:p>

о. Георгий. Вы совершенно правы, это богословски не проработано, к сожалению. Я, например, сегодня ни в коем случае не хотел представить что-то такое окончательное. Для меня это тоже было именно вопрошанием, тем, что меня постоянно тревожит, с чем я сталкиваюсь в жизни постоянно. И мне хотелось поделиться именно этими мыслями.<0:p></0:p>

С одной стороны, сам храм — синтез искусств, и можно себе это представить, как он прекрасен. С другой стороны, в этом есть опасность, когда к храмовому действию начинают относиться не как к действию благодати, преобразующей изнутри, а главным образом как к синтезу искусств. Здесь возникает опасность эстетизма, что было у того же Флоренского и что вообще характерно для той эпохи. Эстетизм — это превалирование внешней формы над внутренней, это как раз тогда, когда иерархия ценностей начинает извращаться, искажаться, когда формальное становится выше духовного, в то время как все понимают, что Дух творит Себе формы. А когда, наоборот, мы держимся формы и думаем, что этим мы удерживаем Дух, не даем ни Ему уйти, ни чуждому духу прийти, тогда мы ошибаемся.<0:p></0:p>

Конечно, есть и обратная связь. Именно потому, что «Кто сотворил внешнее, Тот сотворил и внутреннее», именно поэтому мы не можем быть безразличными к форме жизни. Скажем, мы не можем быть безразличными к литургическим формам, и, допустим, что чрезвычайно важно, к формам языковым. Вот сейчас была дискуссия по языку богослужения, правда, немного идеологизированная. Но это же действительно для нас очень важно. Можно здесь очень понять тех же деятелей старообрядческого движения, которые смотрели на форму. Может быть, с нашей точки зрения, иногда они слишком перегибали в этом, но серьезное отношение к традиции, включающей в себя и традицию формы, — очень важно. Когда об этом забывают, то или происходит какой-то хаос, анархия, или начинается вообще произвол. Но только здесь нужно опять же помнить об иерархии, ибо в первую очередь Дух творит Себе форму. И Он может творить разные формы. Это как бы свойство Духа.<0:p></0:p>

Если мы обращаемся к творчеству во Святом Духе, то конечно, Бог творит Себе разнообразие форм. Мы знаем, что древняя Церковь была совершенно свободна и сохраняла единство при

том, что каждая епископская кафедра имела свою, скажем, анафору, свою литургию и т. д. Сейчас все даже помыслить об этом боятся. Может быть, это была даже характеристика качества и духовного уровня жизни церкви. А стремление к унификации, к жесткой унификации форм, когда была бы возможна только одна форма, которая содержит единый истинный Дух, это стремление — свидетельство упадка, свидетельство нашего упадка, когда мы боимся отойти от этой формы, потому что не верим действию Духа через нас, через всех. Мол, когда-то святые отцы творили, у них получалось, а вот у нас не получится, априори не получится, мы даже и пробовать не должны. Вот это упадок, и это мне кажется очень важным.

Почему я назвал свои тезисы «Преодоление разрыва между светским и духовным (церковным)»? Во-первых, чтобы показать, что это стоит как проблема христианского сознания, что внутри церкви эта проблема существует и что внутри приходских общин эта проблема существует. Далее, очень важно, чтобы здесь не путали светское, скажем, с государственным. Потому что многим очень хочется преодолеть разрыв между светским и духовным, а получается, что вносят преодоление разрыва между духовным и государственным, или духовным и мирским, духовным и секулярным, или культурным. Да, нужно преодолеть разрыв между светским и духовным, но надо очень остерегаться того, когда мы имеем в виду то или иное отношение с государством или когда мы имеем с ним те или иные секулярные, мирские отношения. Надо понимать, что это совсем не одно и то же. Мы не можем преодолеть разрыв между христианским духом и мирским духом, более того, и с секулярным духом, более того, и с государством. Мы не можем и не должны даже ставить перед собой такой задачи. Другое дело, что нести ответственность за тех, кто живет в мире сем (тем более, что Церковь живет в мире сем), и за тех, кто осуществляет государственную функцию, и, в конце концов, за результаты, плоды государственной деятельности, церковь должна. Только она должна уметь держать здесь дистанцию. Вот это мне представляется очень-очень важным. Именно эти смешения, эта непроработанность внутренней задачи, это невидение внутреннего раскола, более того, отрицание самой этой задачи мне кажется очень характерным и требующим преодоления.

о. Амвросий (Сиверс) (Катакомбная православная церковь). Вы упомянули о сектантском сознании, которое постоянно мешает христианину. В чем Вы видите сектантское сознание почившего о. Серафима (Роуза) — в его отношении, может быть, к ереси экуменизма, которая осуждена уже в некоторых церквях? И можно ли считать сектантом святого Максима Исповедника, который был один в церкви, но отказывался принять требования еретиков?

о. Георгий. Это разные вещи. Конечно, когда мы говорим, что та или иная часть выдает себя за целое, а это главная характерная черта сектантства, то важно, *какая часть и какое целое*. В конце концов, св. Василий Великий (если я не ошибаюсь, именно он) тоже говорил: «Кто не со мной, тот не с истиной».

о. Амвросий. Да, но он говорил это об арианах...

о. Георгий. Да, и мне представляется очень важным действительно знать, где часть, а где целое, ощущать это, потому что, в конце концов, православие если и может себя в чем-то утверждать как нечто лучшее, чем все остальное (а большинство здесь православных, и потому-то мы и православные, что все-таки здесь видим нечто такое, чего больше нигде нет), то только потому, что это дает возможность приобщения именно к полноте истины, не вообще к истине, а к ее полноте, ибо вообще истина, в той или иной части, существует даже вне пределов иноконфессионального христианства. Ведь мы не можем не признать в других религиях хотя бы доли правды и доли истины, это совершенно невозможная вещь.

Далее, об о. Серафиме (Роузе). Зацикливаться нам на одном человеке нельзя, о нем я высказал лишь свое мнение. Я вижу его сектантство и в отношении к экуменизму. Экуменизм ведь был осужден тоже лишь одной полусектантской церковной группировкой карловчан, а не Православной церковью в полноте своей. В полноте, подчеркиваю. Я очень почтительно отношусь к многим деятелям Карловацкой церкви и некоторых из них лично знаю, и ничего плохого о них сказать не могу, но в данном случае проявляются как раз сектантские черты этой церкви.

о. Амвросий. Они считают себя не частью, а целым. Они же знают исторические прецеденты...

о. Георгий. Вот это уже вопрос другой. Это вполне закономерный вопрос: где часть, где целое, что правое, что левое, что сверху, что снизу. Тут можно сказать, что все относительно, но где-то нужно говорить об абсолютных вещах. В конце концов, ни один сектант не признает себя сектантом, а признает носителем целого. Всякий человек, пусть с нашей точки зрения, он неправославный, но если он христианин, он себя осознает приобщенным ко всему христианству, а не к какому-то его кусочку. Иначе бы он ушел из такой церкви. Они же не уходят! Не уходят, значит, им вполне достаточно того, что они получают в своей церкви, — в большинстве случаев. Так что это вопрос уже различения правого и левого пред Богом, это вопрос Богопознания, познания Истины, но это уже немного другая тема. Я ее здесь, естественно, не мог затрагивать.

И. И. Осипова (Москва, общество «Мемориал»). Вопрос, который здесь уже затрагивался, — о компромиссах... Почему так легко люди идут на компромиссы? Ведь священники — это прежде всего пастыри, и в церквях во время своей проповеди, обращаясь к верующим, на мой взгляд, они должны быть более твердыми, более сильными и нести верующим силу примера. Работая в архивах, в одной из проповедей я нашла, как мне кажется, для себя ответ. Эта проповедь была написана в 1917 году священником Восторговым...

о. Георгий. Действительно, расслабленное христианство есть соль, теряющая силу. Действительно, оно было таковым тогда, когда большинство крещеных нельзя было назвать даже оглашаемыми. От оглашаемого мы требуем больше, чем требовали от себя вот такие крещеные «члены церкви». Это правда. Мы не можем указывать пальцами, потому что это будет уже суд, нам не принадлежащий, но в целом оценить такую ситуацию мы имеем право и должны это делать.

Первое, это ложно понятая церковность. Обстановка, форма оказались важнее. И нам нужно встать *выше* этого! Но в начале века это было сделать очень трудно, это был бы колоссальный шаг вперед, потому что церковь в то время для большинства людей была формой, бытом. Ежедневным бытом. На каждом углу был храм, везде иконы, на Пасху, пожалуйста, крашеное яичко. И на этом — все, христианство закрывалось для большинства. Не только для интеллигенции. Как показали потом революционные события, простые люди шли громить церковь с не меньшим успехом, чем идеологи новых течений.

Далее, было ложно понятое смирение и ложно понятое послушание как светской, так и церковной власти. Предполагалось, что рассуждать христианину нельзя. Таким образом, все возводилось, — скажем так, немного грубовато — к начальству, а не к Богу, в то время как и послушание, и смирение должно возводиться в первую очередь к Богу, и уже постольку, поскольку начальство выражает именно Божью волю, даже если она трудна для исполнения, человеку нужно слушать свое начальство.

Когда в древнем монашестве, допустим, был важен тот принцип, что послушание относится к

духовнику, к старцу, но его нужно проверять Божьей заповедью, тогда было ясно, что если данное благословение духовника или старца противоречит Божьей заповеди, то его исполнять нельзя. Потом же это было отменено. Все постепенно накапливалось: не рассуждай, исполняй только потому, что тебе было сказано. Таково было отношение и к светской власти, и к церковной власти: «не рассуждай», «не различай», «кто ты? никто!» Это человек может сказать о себе «я никто», но он не должен другому говорить «ты никто». Писание нам говорит: «Каждого почитай выше себя». А во что это превратилось? «Почитай себя ниже всех». Это же совсем не одно и то же!

Да, такие тенденции накапливались веками. Они, конечно, не возникли в XX веке с нуля. Действительно, за этим стоят века — и византийские, и не византийские, и русские, и не русские, и западные, и восточные, и какие хотите, — когда проблемы в церкви переставали решаться, иногда по объективным обстоятельствам, иногда по каким-то другим, когда была умалена сама основа церковной жизни — местная церковная соборность, т. е. когда произошло умаление евхаристической общины и голос Церкви перестал слышаться. Прошла эпоха Вселенских соборов, — и потом как бы затишье. Где голос Церкви? Мы до сих пор не можем ясно и до конца четко ответить на этот вопрос, — где голос Церкви? И богословие, и наша экклезиология в отношении нашей современной жизни не дает ответа на этот вопрос. И отсюда все разногласия, ведь у каждого свое мнение. Или ты согласен со мною, или не согласен, но я другого слушать не обязан. Или я обязан только внешним послушанием.

Еще я хотел бы добавить один маленький момент о воцерковлении. Я имел в виду больше то, что, может быть, хорошо было выражено еще в конце XIX века еп. Михаилом (Грибановским) в его докладе «В чем состоит церковность?» Мы его перепечатали совершенно не случайно, потому что эти проблемы стоят до сих пор перед нашим сознанием. К слову говоря, в нашем журнале есть и статья о Роузе, о его книге «Православие и религия будущего». В ней более подробно говорится о тех вещах, которые мы сейчас затронули именно в связи с ним.

Вообще, конечно, проблема светского и церковного, духовного, проблема отношений человека и общества с церковью и миром сим, с государством, с культурой — это большая проблема. Во всяком случае я себя не однажды ловил на том, что светское, может быть, даже с детства, настолько ассоциируется всегда с чем-то еще, что когда начинаешь говорить о светском, то продолжаешь уже о государственном или культурном, или еще о чем-то. Значит, это надо прорабатывать и далее, говорить об этом еще и в будущем.

А. В. Антонов. В наше время очевидны интересные аберрации сознания... Католическая церковь, с нашей точки зрения, — ересь. Не надо здесь обижаться, дело не в личных оскорблениях. Меня, например, раскольником называют. Это лучше, чем какая-то аморфная масса. Но среди католиков ведь есть люди потрясающей личной святости — мать Тереза, например, которая ходит в лепрозорий, омывает прокаженных. Она это делает, она исполняет заповеди Христа. А может, она и не разбирается в филиокве вообще. Человек это делает. Бог ей судья. Я не хочу отправлять ее в ад или в рай, святость ее устанавливать, канонизировать, — это не мое дело. Но этот человек ведет себя как истинный христианин. Или, например, Максим Исповедник. Да, Церковь может быть не по количеству выражена. В ней может быть несколько человек, но по всему видно, что они с Господом, в Церкви.

Христианское сознание хранит церковную чистоту. Если я открыто и с любовью подхожу к любому человеку, пусть он не понимает чего-то, пусть не понимает, я уважаю его с его непониманием... Бог тебе судья, я для тебя стараюсь сделать все доброе по долгу христианина. А то ведь получается так: я спасаюсь, я доволен, что спасаюсь, а вы — горите синим пламенем.

Сектантство — это вот такая психология.<o:p></o:p>

И еще. Вот говорят, что человеческие перегородки до Бога не доходят. Как будто кто-то поднялся на крылышках и посмотрел, доходят или не доходят...<o:p></o:p>

О. Георгий абсолютно прав, я готов двумя руками подписаться: надо преодолевать раскол между светским и духовным. Вообще, нужно Православие с человеческим лицом... <o:p></o:p>

о. Георгий. Всякое сектантство — прежде всего духовное явление, которое, конечно, имеет выходы в ритуальное и душевное. Оно четко отображается на лице, в поведении, четко прослеживается психологически. Это безусловно. Всегда видно, что тот-то грешит сектантством, но он может при этом во всем догматически разбираться, принимать все православные догматы, а может, наоборот, что-то недопонимать, в чем-то не разобраться, но быть духовно открытым. Открытость — это мера веры человека. Если человек открыт Богу, то вполне уместно сказать вместе с апостолом Павлом: «Кто до чего достиг, тот пусть по тому закону и живет». Вот, это его мера, та мера, которую Бог ему дал.<o:p></o:p>

Человек никогда не вмещает всей истины. Ни один человек. Поэтому существует Церковь как единство, как соборность, как кафоличность. Единство Церкви — это кафоличность. Умалая кафоличность, Церковь умалает саму себя. Если она будет строиться по национальному, историческому, нравственному, вообще какому-то частному принципу, то тогда это уже не кафолическая Церковь...<o:p></o:p>

Да, нужно видеть психологические стороны сектантства, но на них не нужно замыкаться, потому что сектантское сознание — это еще не все...<o:p></o:p>

И здесь нужно сказать, что очень важен вопрос, кто как был научен. Иногда встречаются люди, которые говорят что-то не то, а потом подумаешь — ведь он в этом не виноват, его так учили, он так воспринял веру, он так поверил.<o:p></o:p>

Вспоминаю случай, когда я, еще будучи диаконом, последний раз встречался с грузинским патриархом. Удивительная была атмосфера. Мы по всем вопросам нашли с ним взаимопонимание, даже по вопросу отношения к Армянской церкви. Это с грузинским-то патриархом! Потом я, кстати, в Грузии уже не нашел ни одного такого человека, а вот с патриархом мы с первого раза нашли взаимопонимание. Но по одному, причем простейшему, вопросу мы не могли найти взаимопонимания совсем: перекрещивать крещеных у баптистов или нет. Он считал — да, я — нет. Но он же просто хорошо учился в Московской духовной академии, его там так и научили, увы...<o:p></o:p>

Нужно давать Богу действовать вне наших идеологем. Бог творит больше, чем мы можем понять и вместить. Так время Господу действовать!<o:p></o:p>

<o:p> </o:p>

<o:p> </o:p>

<o:p></o:p>

<o:p></o:p>

<o:p></o:p>

<o:p> </o:p>

: Избранные псалмы. Перевод и комментарий С. С. Аверинцева

Богослужение и таинства

ПЕРЕВОДИТЬ псалмы заново—трудная задача, решение которой не может не быть экспериментальным. Облик славянского перевода, с которым русские люди жили веками, определен греческой Септуагинтой; русский перевод (так называемый Синодальный) в отличие от славянского учитывает древнееврейский подлинник, но сохраняет строй той же Септуагинты. Здесь необходимо отметить прежде всего два момента.

Во-первых, древнееврейская поэзия, как правило, выражает мысль в меньшем количестве слогов, чем традиционные переводы, начиная с греческого. Все звучит более сжато, лапидарно, резко, вызывая мысль не столько о медлительно влачащихся ризах, сколько о пляске Давида перед Ковчегом Завета «изо всей силы» (2 Цар 6: 14). Во-вторых, греческий перевод, используя опыт античной философской лексики, вносит уровень абстрагирования, чуждый Ветхому Завету. «Всемогущий»—славянская калька греческого слова (либо «Пантодинамос», либо «Пантократор»), дающая в свернутом виде отвлеченный тезис догматического богословия: «Бог может все». Но еврейское «Шаддай», по действию народной этимологии вызывая мысль о сокрушительной мощи Бога, совершенно не имело привкуса теологической абстракции; оно апеллирует не к рассуждению, а к опыту. (Я передавал его выразительным славянским словом «Крепкий».) Печатающиеся здесь переводы сделаны в стремлении передать хотя бы нечто от фонической сжатости, плотности, разительной краткости древнееврейского текста; за основу я брал тонический ритм оригинала, в определенной мере утрируя этот ритм, чтобы сделать его внятным для читателя и компенсировать отсутствие распева, звучания—ибо псалмы созданы, конечно не для чтения глазами. (К сожалению, Синодальный перевод поэтических книг Ветхого Завета—в гораздо большей степени нежели перевод славянский—предназначен именно для чтения глазами. Но слово Библии—слово живое и звучащее; не только при богослужебном употреблении, но и при домашнем чтении оно должно звучать внутри нас, окликать нас.) Особняком стоит опыт с псалмом 113: 1-8 по православному счету (114 по масоретскому счету); я прошу читателя рассматривать этот опыт не столько как перевод, сколько как переложение, аналогичное по жанру старым стихотворным переложениям. На правах переложателя я позволил себе в нескольких местах жертвовать ради ритмической энергии вербальной точностью хотя, надеюсь, не смыслом («сыны Иакова»—вместо «дом Иакова», «из чуждой земли»—вместо «из чуждого народа» и т. п.)

ПСАЛОМ 8(глас 8. стихирный)

Господи, Господи наш, Как чудно имя Твое по всей земле, И превыше небес слава Твоя! Из детских, из младенческих уст Ты уготовал хвалу. Твердыню на врагов Твоих, Чтобы противников низложить. Увижу я Твои небеса, Дело Твоих перстов. Увижу луну и звезды небес, Которые Ты утвердил. Что перед этим человек? Но Ты помнишь его. Что перед этим Адамов сын? Но Ты посещаешь его. Ненамного умалил Ты его. Перед жителями небес. Славою и честью увенчал его. Управителем поставил его. Над делами рук Твоих. Все положил Ты под ноги его, Господи, Господи наш. Как чудно имя Твое по всей земле!

ПСАЛОМ 28(глас 5)

Воздайте Господу, Божьи сыны, Воздайте Господу царскую честь, Воздайте Господу честь имени Его, Поклонитесь Ему во святыне Его. Голос Господа над водами, Бог славы громами говорит. Голос Господа над простором вод, Голос Господа в силе Его, Голос Господа во славе Его. Голос Господа кедры крушит, Кедры ливанские крушит Господь. Голос Господа высекает огонь, Голос Господа пустыню сотряс. Превыше потопа обитает Господь, И воцарится Господь во веки веков. Господь народу Своему подаст мощь, Одарит миром людей Своих. Воздайте Господу, Божьи сыны, Воздайте Господу царскую честь, Воздайте Господу честь имени Его, Поклонитесь Ему во святыне Его.

ИЗ ПСАЛМА 56(глас 6)

Превыше небес, Боже, восстань, Распрости над землей славу Твою! Боже, готово сердце мое, Готово сердце мое! Воспою, воспою Тебе хвалу; Песнь моя, пробудись! Арфа, проснись, цитра, проснись, Я разбужу зарю! Господи, среди народов скажу о Тебе, Меж племен воспою Тебе хвалу, Ибо до небес—милость Твоя, До облаков—верность Твоя. Превыше небес. Боже, восстань, Распрости над землей славу Твою! Боже, готово сердце мое, Готово сердце мое!

ПСАЛОМ 113(глас 3. стихирный)

Когда Израиль из Египта шел, Сыны Иакова—из чуждой земли, Стал Иуда святыней Его, Израиль—державой Его. Видело море—и бежало прочь, Видел Иордан—и потек вспять. Как овны, горы скакали в тот день, Как малые ягнята—холмы. Что ты, море, бежало прочь, Что ты, Иордан, потек вспять, Что вы, горы, как овны, скакали в тот день, Как малые ягнята—холмы? Пред Господом сил дрожи, земля, Пред Богом Иакова дрожи! Он творит из скалы—обилие вод, Из кремня—течение струй. Когда Израиль из Египта шел, Сыны Иакова—из чуждой земли, Стал Иуда святыней Его, Израиль—державой Его.

: Обращение к Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II православных священнослужителей

Церковная жизнь

См. также: Сегодня, 4 июня, 1994; Русская мысль № 4031, 26 мая, 1994; G2W, № 9 1994; Материалы православной пресс-службы (SOP), июнь 1994.

ЕГО СЯТЕЙШЕСТВУ, СЯТЕЙШЕМУ ПАТРИАРХУ МОСКОВСКОМУ И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЮ II

Ваше Святейшество, милостивый отец наш, благословите!

Зная Вашу заботу о духовном просвещении народа Божия, мы, смиренные чада и послушники Вашего Святейшества, просим Вас обратить внимание на сложности, коими сопровождается в нашей Церкви дискуссия о возможном приближении богослужебных текстов к пониманию современного человека.

Нам думается, что сегодня эта дискуссия, в которой принимают и желают принять участие

многие клирики и миряне, становится неслышной для Высшей Церковной Власти. Это происходит исключительно потому, что голоса многих достойных пастырей и чад церковных тонут в потоке крайних заявлений, делаемых немногочисленной группой, состоящей, в основном, из мирян, которые воспринимают жизнь, назначение и служение Церкви не по существу, а с их позиций и интересов в области языка, литературы, эстетических эмоций, общественных, национальных, политических и объединительных задач Церкви, как они их понимают. Исходя из этих позиций, они, сознательно или бессознательно искажая учение Церкви и ее историю, говорят о «еретичности» и «греховности» любого многообразия православного богослужения и обвиняют всех, кто не придерживается такого их взгляда, в расколе и отпадении от Истины Христовой. Весьма прискорбно то, что подобные заявления, которые не могут быть обоснованы ни догматически, ни канонически, подкрепляются политической и другой чисто светской аргументацией. Особенно усердны в этом отношении общество «Радонеж» и Союз православных братств — организации, непонятно по какому праву пытающиеся подменить своим голосом голос всей Церкви.

Имея в виду указанный выше печальный факт, мы смиренно говорим Вашему Святейшеству, что в нашей Церкви, которую мы считаем своей Матерью, есть и иной взгляд на поставленный вопрос.

Немаловажно сказать, что в прошлом такого взгляда придерживались подвижники веры, чья святость и чей авторитет несомненны для всякого русского человека. Так, определенные особенности в устоявшуюся богослужебную практику внес святой Иоанн Кронштадтский. Многие выдающиеся русские архипастыри, в частности святитель Иннокентий, Митрополит Московский, и святитель Тихон, Патриарх Всероссийский, были неустанными сторонниками приближения богослужебного языка к пониманию простого народа. Святитель Феофан Затворник писал: «Есть вещь крайне нужная. Разумею новый упрощенный и уясненный перевод церковных богослужебных книг. Наши церковные песнопения все назидательны, глубокомысленны и возвышенны. В них вся наука богословская и все нравоучение христианское, и все утешения, и все устрашения. Внимающий им может обойтись без всяких других учительных христианских книг. А между тем большая часть из этих песнопений совсем непонятна. А это лишает церковные книги плода, который они могли бы производить, и не дает им послужить тем целям, для коих они назначены и имеются. Вследствие сего новый перевод богослужебных книг неотложно необходим. Ныне — завтра надобно же к нему приступить, если не хотим нести укора за эту неисправность и быть причиной вреда, который от этого происходит». Священный Собор Российской Православной Церкви 1917–1918 годов «в целях приближения нашего церковного богослужения к пониманию простого народа» признал права общерусского богослужебного языка и счел возможным удовлетворить прошения отдельных приходов о богослужении на этом языке по одобрении перевода церковной властью. Святейший Патриарх Сергей, в бытность свою Заместителем Патриаршего Местоблюстителя, руководствуясь этим решением Собора и примером святителя Тихона, благословил одной из православных общин совершение богослужения на русском языке по имевшемуся в общине переводу и указал, что не находит препятствий тому, чтобы Преосвященные архиереи разрешали то же самое в своих епархиях. Частичный перевод богослужения на общеупотребительный русский язык и богослужебное чтение Слова Божия на этом языке практиковалось многими архиереями нашей Церкви.

Ваше Святейшество! Сегодня положение в нашей Церкви изменилось, и никто не может сказать, какие именно действия лучше всего помогли бы нынешним русским людям, и особенно молодежи, в полной мере познать величайшую мудрость и величайшую красоту православного богослужения. Но мы совершенно убеждены, что Святая Православная Церковь может и должна сделать в этом отношении шаг навстречу своим чадам и тем, кто стремится

войти в Ее ограду. Вы прекрасно знаете, Ваше Святейшество, как тяжело этим людям, не имеющим преемства духовной традиции, войти в жизнь Церкви, стать частью Ее, устоять от соблазна перед вторгающимися в жизнь Отечества различными лжеучениями... Мы убеждены, что нельзя сегодня допустить, чтобы эти люди были расхищены врагом рода человеческого в то время, как некоторые из наших православных братьев и сестер будут ревновать не о просвещении, а о «поиске врагов» в церковной ограде.

Сегодня, как нам думается, нужна всецерковная, открытая для всех пастырей и чад нашей Церкви дискуссия по вопросу богослужебного уклада. Нужно ли русифицировать богослужение в отдельных храмах крупных городов, там, где того пожелают настоятели и общины? Нужно ли, как это уже делается во многих храмах по благословению Преосвященных архипастырей, читать по-русски за богослужением Священное Писание? Надо ли способствовать расширению общего пения? Возможно ли возвращение к отдельным элементам богослужебной практики Древней Церкви, а также практики Русской Церкви прошлых веков? Что мы можем позаимствовать из богослужебного опыта Православных Церквей — Сестер? На все эти вопрошания Церкви надобно ответить соборно, без попытки подавить один голос другим и сообщая прийти к принятию друг друга носителями разных точек зрения, как это и подобает православным, единым в исповедании веры, но отличающимся друг от друга в частных разномыслиях. Мы, священнослужители, имеющие разное отношение к поставленной проблеме, говорим, что это не мешает нам и пастве нашей быть едиными во Христе и во Святой Его Православной Церкви. Мы желаем, чтобы так было всегда и чтобы единство наше ничем не омрачалось.

Испрашивая Ваших святых молитв и Вашего благословения, остаемся милостью Божией служители Единой Святой Православной Церкви и Вашего Святейшества недостойные и смиренные послушники

архиепископ Михаил, профессор Санкт-Петербургской духовной академии; архимандрит Зинов, Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь; архимандрит Августин, доцент Санкт-Петербургской духовной академии; архимандрит Ианнуарий, доцент Санкт-Петербургской духовной академии; игумен Игнатий, настоятель Богородице-Рождественского Бобренева монастыря, Московская епархия; игумен Вениамин, инспектор Санкт-Петербургской духовной академии; игумен Мартирий, настоятель храма Всех Святых на Кулишках, Москва; игумен Иннокентий, храм Спаса Преображения в Богородском, Москва; протоиерей Александр Андросов, ректор Костромского духовного училища; протоиерей Владимир Мустафин, профессор Санкт-Петербургской духовной академии; протоиерей Кирилл Чернетский, настоятель храма Преп. Димитрия Прилуцкого на Девичьем поле, Москва; священник Сергей Мацнев, настоятель храма Священномученика Антипы, Москва; протоиерей Владимир Цветков, духовный попечитель Брянчаниновского общества, Спасо-Парголовский храм, Санкт-Петербург; протоиерей Иоанн Свиридов, главный редактор радиостанции «София», Отдел религиозного образования и катехизации Московского Патриархата; протоиерей Владимир Федоров, доцент Санкт-Петербургской духовной академии; иеромонах Амвросий, Богородице-Рождественский Бобренев монастырь; священник Алексей Гостев, настоятель храма Святителя Николая в Аксиньино, Московская епархия; священник Алексей Крылов, настоятель Иоанно-Предтеченского Чесменского храма, Санкт-Петербург; священник Борис Михайлов, храм Рождества Иоанна Предтечи на Пресне, Москва; священник Александр Троицкий, Патриаршее подворье в б. Андреевском монастыре, Москва; священник Виталий Головатенко, Казанский храм в Зеленогорске, Санкт-Петербург;

священник Владимир Лапшин, храм Свв. бесср. Косьмы и Домиана в Шубине, Москва; священник Павел Вишневецкий, настоятель храма Преп. Феодора Студита, Москва; священник Георгий Чистяков, храм Свв. бесср. Косьмы и Домиана в Шубине, Москва; священник Всеволод Чаплин, храм Св. Троицы Живоначальной в Хорошеве, Москва; священник Александр Степанов, храм Вмч. Екатерины, Санкт-Петербург; священник Иоанн Привалов, настоятель Сретенского храма в Заостровье, Архангельская епархия; священник Николай Котальников, Свято-Игнатиевский храм, Донецк; священник Вячеслав Перевезенцев, настоятель Никольского храма в Макарове, Московская епархия; священник Николай Балашов, настоятель Воскресенского собора, Череповец, Вологодская епархия; священник Сергей Тимохин, настоятель Трехсвятительского храма в Белоомуте, Московская епархия; священник Игорь Гагарин, настоятель Иоанно-Предтеченского храма в Ивановском, Московская епархия; иеродиакон Димитрий, Богородице-Рождественский Бобреев монастырь; диакон Андрей Кураев, декан философско-богословского факультета Российского православного университета Св. ап. Иоанна Богослова, Москва.

10 апреля 1994 года.

Священник Георгий Кочетков: Молитва и ЖИЗНЬ

Церковная жизнь

(Выступление на Мeneвских чтениях 11 сентября 1993 г.)

Мне очень приятно сегодня выступать и говорить на тему «Молитва и жизнь» именно здесь.

Можно хорошо знать Священное писание, можно достаточно успешно совершенствовать аскетическую практику, быть хорошим христианским педагогом, делать много других хороших вещей, быть катехизатором или ученым, помогать бедным. Но, наверное, здесь легче достигнуть совершенства и какого-то удовлетворения, чем в тех случаях, когда мы в храме и лично накапливаем молитвенный опыт.

О. Александр очень интересовался, как это всем известно, «законом молитвы» (lex orandi) Церкви. Он не был, может быть, специалистом по литургике, это не было его, так сказать, основной деятельностью, но его внутренний интерес к этой теме был очень велик, и у меня уже была возможность засвидетельствовать это на одной из прежних конференций, посвященных памяти о. Александра. Этот его интерес я хорошо запомнил и, надеюсь, буду помнить всю жизнь.

На меня всегда производили наибольшее впечатление, может быть, не столько те или иные его разработки и рекомендации на Великий пост или книги типа «Небо на земле», «Таинство, слово и образ» и т. д., сколько вот это его внутреннее тяготение к разрешению противоречий

между молитвой, такой, какой она *реально* существует для нас всех и какой она реально была для него, и жизнью, ибо, бесспорно, есть разрыв между одним и другим. Мы не очень удивляемся, когда этот разрыв существует в умах людей непосвященных, людей нецерковных или почти неверующих. Тут налицо страшная мифология. Эти люди часто свято уверены в том, что в церкви собираются только бездельники, что если человек хочет что-то в жизни успеть, то ему нечего там делать, что это потеря времени на некие ритуалы, которые, может быть, и хороши для людей простых, но для человека современного, цивилизованного, культурного, деятельного все это просто не обязательно, даже не нужно. Может, если и нужно, то раз-два в жизни или, для некоторых, раз-два в год — не больше. Когда же мы встречаемся с разрывом между опытом и практикой молитвы и их жизнью у церковных христиан, это куда более серьезно.

Проблема эта действительно существует. Не буду сейчас говорить об опыте других церквей. Эта проблема существует, на мой взгляд, везде, хотя везде она существует несколько по-разному. Но в Русской православной церкви она стоит очень отчетливо. Тут и проблемы, глубоко уходящие в историю, и проблемы, вызванные течением самой этой истории в XX веке. Одно наслаивается на другое и делает проблему единения молитвы и жизни, объединения молитвы и жизни очень актуальной. Иногда она обостряется очень добрыми, самыми что ни на есть благочестивыми, действительно благочестивыми внутрицерковными намерениями. Известно же, что Православная церковь часто находилась в очень стесненных, очень как бы невыгодных исторических обстоятельствах, и, кажется, единственное, что она могла сохранять из поколения в поколение, передавая от одной церкви к другой, — это как раз свой «закон молитвы», свои молитвенные правила, свои традиции, литургию и храм.

В нашей Православной церкви, как известно, народ учился почти всегда в храме. В Византии была несколько особая история, и совсем не обязательно сейчас углубляться в старые пласты истории, в древность, чтобы увидеть, что после Византии в Православной церкви, конечно, была явная нехватка ученых и учебных центров. Поэтому-то народ и учился на богослужении. Ни для кого не секрет, что на Руси некоторые знали богослужение наизусть, с начала до конца, со всеми стихирами, со всеми деталями. Были даже неграмотные священники, которые совершали службу наизусть. Для нас сейчас это почти непостижимо, но это исторический факт, и это удивительно нам напоминает о том, что в древней церкви также стремились знать наизусть Священное писание. Тогда люди знали наизусть целые книги Священного писания, что для нас тоже почти непостижимо. Мы, может быть, знаем очень много цитат, тех или иных мест, которые воссоздают контекст того или иного текста Священного писания, но чтобы сейчас люди знали наизусть целые книги Священного писания — среди православных я, пожалуй, никогда такого не встречал. Неправославных таких людей встречал — иудеохристиан и других, но православных — честно скажу, нет.

Так вот, в Православной церкви вследствие специфики ее исторического пути всегда проявлялось особое внимание к богослужению. Ее богослужение часто было единственным основанием продолжения православной традиции. Не все могли разбираться в тонкостях решений Соборов, не все могли разбираться в тонкостях Писания, но храм всегда был доступен почти всем. Но именно такое внимание и благоговейное отношение к сохранению литургической церковной традиции привели и к отрицательным результатам. К каждому слову и обряду в какой-то части церкви стали относиться столь благоговейно, что это отношение уже ничем не отличалось, например, от отношения к Священному писанию или догматам. Поэтому, конечно, не решались что-то менять в богослужении и долго воспроизводили традицию во всей ее противоречивой и избыточной сложности. А таковая была, особенно до эпохи книгопечатания. Многообразие церковных уставов было очень велико. Это было наследием прежних церковных эпох. Потом это многообразие, особенно в самых существенных частях, все

более и более сужалось. Со времени же начала книгопечатания, понятно, стали просто механически воспроизводить одни и те же чины. И тогда-то наступил упадок литургической жизни церкви — в результате такого блага цивилизации, как книгопечатание. Конечно, не только в результате книгопечатания, но и как следствие других благ цивилизации.<o:p></o:p>

Итак, традиция стала себя повторять механически. В церкви перестали задумываться над глубинным и реальным смыслом чинов богослужения. Очень многие части богослужения были просто забыты в их изначальном смысле. На этой почве возникла и развилась своя мифология. Сначала это было очень благочестиво, это было просто символическое толкование богослужения. Со времен св. Симеона Солунского эта традиция толкования оставалась в церкви господствующей. А потом наряду с таким символическим толкованием богослужения и на его основании для постижения смысла богослужения применялись какие-то еще более мифологизированные методы.<o:p></o:p>

В результате этого реальный «закон молитвы», который церковь так ценила, в котором церковь на протяжении многих и многих веков видела выражение своей внутренней жизни, доходящей до самых предельных ее глубин, этот «закон молитвы» вдруг от жизни отстал. Тот закон, который должен был вести эту жизнь, который должен был быть впереди, учить, вдруг перестал в чем-то работать. Ну как перестал работать? Не надо, конечно, абсолютизировать это выражение. Нельзя сказать, что богослужение перестало быть богослужением, молитва перестала быть молитвой. Конечно, нет. Люди и сейчас реально в церкви молятся. Но произошел трагический разрыв между молитвой, храмом и остальной жизнью, а в самих наших храмах — между духом и смыслом. Дух есть, в наших храмах молятся, может быть, как нигде. Но смысла в нашем храме, наверно, сегодня меньше, чем где бы то ни было. И поэтому, когда человек хочет там что-то понять и укрепиться в смысле, он почти неизбежно начинает терять дух, а когда хочет молиться духом, то оказывается, что реальный и трезвый смысл от него просто отходит. Это действительно трагедия. С этим мы сталкиваемся постоянно, начиная с христиан, которые делают первые шаги в церкви и которых нужно учить чему-то во время катехизации, и кончая значительно более духовно продвинутыми людьми. Поэтому-то современное реальное состояние православной веры и православной жизни, я хотел бы это подчеркнуть, не выражается вполне нашим «законом молитвы», т. е. нашим уставным и реальным молитвенным правилом.<o:p></o:p>

О. Александр пытался это в разных случаях показать. Иногда конкретно по тому или иному живому поводу, например, в связи с отношением к иудеям и вообще евреям. Думаю, нам всем известны церковные богослужебные тексты, которые не очень даже удобно сейчас читать в церкви. Умные чтецы и священнослужители их просто пропускают. Это обычно бывает на синаксарных богослужениях, и от такого пропуска ничего, в принципе, не меняется и не теряется, а, надо думать, даже наоборот. Но ведь не все же чтецы и священнослужители умные, что само по себе нормально; некоторые из них читают все подряд, и поэтому происходят казусы, казусы в отношениях, в частности, к евреям, в тех отношениях, которые церковь закладывает сейчас в своем учении, во всяком случае, в своих лучших учениях.<o:p></o:p>

Да и то, что читаем и видим в «действующих» богослужебных книгах мы, и то, что видели люди в них прежде, — это в той или иной степени тоже вещи разные. Это в первую очередь касается образности молитвы, богослужебной поэтики. Мы не считываем поэзию там, где она явно есть или была для прежних поколений и творцов тех канонов, стихир и т. д., которые мы употребляем. Я уже не говорю про Псалтирь (это особая тема) или пророков.<o:p></o:p>

Итак, если *всерьез* отнестись к богослужению в его полноте, не выбирая то, что нам нравится,

а имея в виду все то, что считается общепринятым, не все у нас хорошо. Если что хорошо, так оно хорошо, там проблем нет, но мы слишком часто сталкиваемся и с проблемами.

Это касается не только закона храмовой, но и закона *личной* молитвы. Нам бывает очень непросто соотнести традицию — живую на сегодняшний день традицию — личной и общецерковной молитвы в храме. Здесь тоже есть противоречия, и о них почти никто не говорит. Это очень жаль. Когда человек их чувствует, он скорее начинает пользоваться опытом других церквей или даже других религий. Вспомним, например, об опыте личной, но когда-то одновременно и храмовой медитативной молитвы и молчаливой молитвы без слов. В нередкой в наше время обращенности членов нашей церкви к опыту других церквей и других религий есть глубокий вызов нашей традиции. Мы во многих случаях не можем считать, что просто какое-то развращенное сердце, не удержавшись в своей традиции, уходит в другую. Это неверно. И здесь есть некая недостаточность в той форме «закона молитвы», которую мы сейчас принимаем как действующий закон действующей молитвы нашей церкви.

Если мы захотим заглянуть, как говорится, в анналы церковной истории и из «архивов» церкви взять некие древние молитвенные тексты, то мы увидим россыпи драгоценностей — будь-то литургическое предание или что-либо еще. Вспомните, например, дореволюционное пятитомное издание «Сборник древних литургий». Это действительно россыпи драгоценностей, но все они в «архиве», как бы в памяти церкви, и мы ими в церкви не пользуемся. Это достояние ученых, очень узкого круга специалистов или уж очень интересующихся людей, а не достояние церкви. И это касается не только литургии. Это касается и многих других частей церковного наследия. И вот мы перед лицом кризиса, поэтому необходимо что-то делать.

Скажу и еще об одной вещи, на мой взгляд, очень важной. Мы все время говорим: человека нужно вводить в церковь, и человек должен воцерковляться в храме. И вот, если он в храм не ходит, то он, мягко говоря, малоцерковен. За этим стоит определенный смысл. Но есть и некое «но». Не я первый задаюсь вопросом, наверное, и вы все задавались им, как и многие другие православные люди, как и вообще многие христиане: что видит человек, приходя в храм? Что увидели бы в наших храмах, например, апостолы? Или люди первых христианских поколений или первых веков христианства, войди они сейчас в наши храмы? Что они там увидели бы? И тут даже не так важно, увидели бы они в храме слишком много дорогих вещей и как бы они к этому отнеслись. Важно другое — узнали бы они свое христианство в наших формах богочитания?

О. Сергей Желудков тоже очень остро ставил эти вопросы, но, может быть, он специально не шел в глубину, понимая, что у нас просто нереально, невозможно актуально ставить задачи реформы богослужения. Вспомним и Поместный Собор 1917–1918 гг. Он тоже в этом не шел в глубину. Это был прекрасный Собор. Дай Бог нам вспомнить все его актуальные решения и быть их наследниками в полном объеме. Но в отношении богослужения он дал лишь очень упрощенные схемы и рекомендации. Это легко проверить каждому. Даже этот Собор на самом деле ничего не расставил на свои места, а лишь немножко подправил положение. Отцы этого Собора задавались, по существу, только одним вопросом: вот, есть наш устав, но он ведь монастырский. Давайте-ка сделаем из него же приходской, немного упростив при этом язык молитвы и истолковав службы.

Лучшие представители церкви на этом Соборе понимали, что когда церковь ставит перед собой задачу выбора, она не делает это механически. То есть они верили, что когда нужно будет выбирать из большего меньшее, думая при этом о каждом слове, то, конечно, из всего наследия будет выбрано лучшее и наиболее подходящее для современной жизни церкви. Это были надежды, и, как известно, им не очень удалось сбыться. Но надежды такие все-таки были!

Реально же на сегодняшний день мы не имеем ничего серьезного, что могло бы сдвинуть с мертвой точки эту проблему. К тому же у нас есть страшный испуг от обновленчества и даже еще от раскола XVII века. И это все вместе дает просто гнетущую картину. Верующие люди уже не верят в то, что вообще что-то можно сдвинуть на этом поприще в нашей церкви.

Для нас же, повторяю, принципиален вопрос о нормах церковной жизни, которые мы можем проследить на протяжении всех веков и которые являются католическими в Церкви, являются ее общепринятыми основами. Полноценный «закон молитвы» Церкви должен вести и воспитывать церковь, выводить ее на путь так же, как это делает Священное писание. Не случайно Священное писание — один из самых основных источников для всего литургического творчества церкви. Об этом о. Александр Шмеман замечательно писал, и я не буду ничего повторять.

Конечно, если мы сейчас вспомним, допустим, о. Николая Афанасьева, или того же о. Александра Шмемана, или о. Иоанна Мейендорфа и т. д., то всем станет понятно, что здесь что-то уже сделано. Если мы посмотрим на современную практику жизни Православной церкви в неправославном окружении — во Франции, в Америке, в Финляндии, на Ближнем Востоке, хотя не надо переоценивать и того, что происходит во Франции, в Америке и Финляндии, мы тоже увидим, что в мире кое-что уже изменилось. Сейчас, допустим, если русский православный человек, пусть со знанием языка, впервые войдет, в приходы крипты собора на рю Дарю или рю Сен Виктор в Париже, или в его предместьях в приход о. Михаила Евдокимова или в Сен Жан, в любой франкофонный приход, подчеркиваю — особенно со знанием языка, то он многое там просто не узнает. Я уже давно слышал жалобы наших священников: «Ох, эти греки! Ох, эти эмигранты! Они так испроказались, что ничего понять в их богослужении мы не можем. Тут у нас все хорошо: все идет по одному стандарту, все накатано. Можно вообще не думать о богослужении, когда совершаешь его. Все замечательно. А там даже если думаешь о богослужении, все равно ничего не понимаешь». Это действительно проблема. Для нас всех это означает серьезнейший вызов, внутренний вызов, который требует нашего внутреннего отношения к «закону молитвы» в соотношении с остальными нашими нормами внутренней жизни.

Мне представляется, что сдвинуть что-то с мертвой точки можно не только там, где православные в меньшинстве и где они особенно озабочены проблемой выживания. Мне представляется, что главным на этом пути должен стать принцип *действенности* богослужения. Богослужение должно реально и полно действовать, а не просто быть канонически действительным. Конечно, кто же спорит, наше каноническое священство, наше каноническое богослужение, канонический храм и его убранство — все это действительно, но проблема в том, что все это часто недостаточно действенно.

Все, что происходит в храмах, у нас действительно, если уж только нет совсем грубых злоупотреблений. Мы редко встречаемся с такими грубыми злоупотреблениями в алтаре. Хотя бывает и это, священники и миряне иногда жалуются, жаловался и о. Сергей Желудков, и о. Александр, но это все-таки не массовое явление. Все там у нас действительно, но существенной, реальной, полной духом и смыслом действенности наше богослужение сплошь и рядом при этом еще не достигает. Человек, если он к этому расположен, может ощущать в храме лишь некий духовно-смысловой фон. Это то, что заставит его молиться, что может его привлечь, а если он способен при этом отключить свою голову и отключиться от своей повседневной жизни, тогда совсем хорошо. Мужчин в наших храмах было, есть и будет мало как раз потому, что им труднее отключить свою голову и отключиться, не говоря уже об их обычных надеждах на свои руки, ноги и т. д. Женщинам — легче, и мы имеем иногда даже, простите, их

«избыток».

Так вот, «закон молитвы» должен стать по-настоящему действенным, и это очень непросто. Только не нужно для этого ставить задачу пояснять через книги или проповеди каждое слово, каждое действие в церкви. Это ложная задача. Многие уповают именно на это — мол, давайте всех научим сначала славянскому, потом всех обучим богослужебной символике, и все будет нормально. Но это неправда. Можно обучить и славянскому (нельзя всех, но кого-то можно, хотя бы некоторую часть филологов, уже находящихся в церкви), можно дать прочитать одну-две книги по символическому толкованию богослужения (и это легко усваивается с детским сердцем), но главной задачи мы этим никогда не решим. Это очень серьезно.

Хочу еще раз оговориться. Нам нужно очень ценить то, что у нас в храмах люди молятся, молятся действительно, и молитвенный дух в этих храмах силен. И мы должны очень серьезно задуматься над тем, как не потерять этого. Но мы должны думать и о *полноте действия* православного богослужения. «Закон молитвы» должен быть снова приобщен к *полноте* жизни Церкви. И для того чтобы богослужение стало действенным, надо стать *свободным* внутри всей церковной традиции.

Сейчас традицию иногда изучают, лучше или хуже, но со свободой внутри нее, как правило, сталкиваться не приходится. Не приходится даже тогда, когда говоришь со специалистами — с преподавателями семинарий и академий. Во всем православном мире, наверное, можно назвать лишь несколько имен людей, которые могут эту свободу иметь и еще умеют ее выразить. Это, может быть, двое-трое, я не знаю, еще сколько. Боюсь ошибиться, но дай Бог, чтобы было много-много больше. К сожалению, нет уже с нами ни Шмемана, ни Мейендорфа, не говоря уж про Афанасьева или Керна. Нет и Николая Дмитриевича Успенского, нет Желудкова. (Видите, я перечисляю имена знаменитых литургистов, но как-то апофатически — нет того, нет другого. Это мне напоминает начало второй главы Бытия. Помните, пока не было первочеловека, и вообще-то никого и ничего не было. То же самое и здесь.)

Итак, быть свободным в литургической традиции многим не удастся. Не потому, что кто-то не хочет. А просто трудно уловить традицию в ее полноте и жить ею, ставя перед собой лишь утилитарные задачи. Вот, например, мне надо сократить богослужение, потому что надо сегодня ехать кого-нибудь крестить, отпевать или еще что-то в определенное время, и иначе нельзя. Значит, я должен уложиться, а коли я должен уложиться, значит, хочешь-не хочешь, но я должен думать, как сократиться.

Не в таких ситуациях рождается свобода! Хотя ситуация выбора — это некая проверка свободы. Что человек выберет? Что он считает для себя более ценным? Как он сможет сочетать элементы богослужения, чтобы в нем не было разрывов, не было дыр? Народ не заметит, особенно если батюшка служит благочестиво, с закрытыми царскими воротами, да еще за завесой. Тут вообще трудно заметить, что делает батюшка (хотя это не батюшки придумали). Но повторяю, такие ситуации, в которых священники часто или не часто оказываются, — это еще не освобождающие ситуации, они иногда, наоборот, угнетают.

Сейчас, чтобы приобщиться к свободе и полноте литургической традиции нашей церкви, нужно не просто пуд соли съесть, надо быть по истине мировым светилом в области литургики, надо знать все языки, объездить все библиотеки, посмотреть все книги — Дмитриевского и Арранца, и еще чего только не посмотреть. Но это нереально для просто верующего, это для него невозможно. Поэтому надо думать о том, как открыть пути такого освобождения внутри нашей же собственной традиции, естественные для обычных, нормальных членов церкви — и интеллигентных, и менее интеллигентных. Надо думать о том, чтобы богослужение было

убедительным и ясным, исходя из самого себя, изнутри себя.

Это же такая простая задача. Этого достигают протестанты, но мы недовольны самой их традицией. Она нам не кажется полной, особенно в литургическо-сакраментальном плане. Но они эту задачу худо-бедно решают. Почему и многие люди, приходящие извне в церковь, с наибольшим удовольствием идут к протестантам, если не слишком «режут ухо» этим людям не всегда эстетически выдержанные песнопения и иные формы жизни в этой традиции. Если человек может смириться с этим, то он всегда выберет, в первую очередь, протестантизм, или католицизм, особенно современный, где в некоторых полухаризматических формах мессы тоже почти решена эта задача. (Только не очень уверен, что в традиционной мессе она решена — даже после того, как после Второго Ватикана престол был выдвинут и все всем было показано. Это мой субъективный опыт, может быть, я ошибаюсь, но в более харизматических формах мессы многое было не только упущено, но и как бы восстановлено.) А уже на третьем, последнем месте будет наше богослужение. При всей его изощренной красоте оно неподъемно, и не только потому, что очень длительно.

Да, наше богослужение, конечно, очень длительно, часто слишком длительно, и мы не знаем, как решить эту задачу на сегодняшний день. Например, мы служим литургию 3–4 часа каждое воскресенье, правда, при большом стечении причастников. И для нас, в нашем храме, стоит задача, к которой я не знаю, как подступиться: что сделать, чтобы сократить длительность службы? Ведь люди стоят с утра, ничего не евши, среди них и маленькие дети с родителями, и беременные женщины, и инвалиды, и т. д. А к тому же все современные люди немножко больны, немножко больше, чем это было прежде.

Тут я хотел бы подчеркнуть, что проблема сокращения и понимания богослужения не единственная. Иногда хотят идти слишком легким путем. Говорят: сделайте богослужение понятным, переведите его на современный русский язык — и все, найдите для этого только соответствующую форму русского языка. А ее можно найти, вполне пристойную для литургической молитвы, есть такой русский язык. Не весь русский язык заборный, подзаборный, желто-прессовый и т. п. Сергей Сергеевич Аверинцев доказал, что можно найти такой русский язык, и не только он.

Это тоже представляется мне очень важным, хотя и понимание — дело великое. Очень нужно, чтобы люди, входящие в храм, на слух понимали то, что происходит в храме. Конечно, понять при этом внутренний смысл может только посвященный, т. е. член Церкви, а непосвященный может увидеть какую-то долю красоты и добра собравшихся людей, но слишком ясно, что это будет еще не все из того, что заложено в церковном богослужении. Церковное богослужение значительно глубже и больше по своему призванию и по своей реальности, а тем более по своей потенции.

Сейчас, на мой взгляд, нужно очень поддерживать все серьезные, ответственные попытки сделать богослужение понятным. И пусть одни только внятно читают по-славянски не во время пения хора, допустим, «тайные молитвы», а другие просто меняют «живот» на «жизнь». (Это стало уже поговоркой, синонимом минимальной замены, минимального приспособления, не только, может быть, замены слов «живот» на «жизнь», но и еще ряда мест. Когда же нам говорят: «Вы, наверное, меняете «живот» на «жизнь», то предполагают, очень сочувственно, что вы, конечно, много хотите хорошего, но пока ничего сделать не можете. Я слышал такие высказывания, например, в Тезе. Очень понимаю этих людей, они ведь тоже нас видят и имеют представление о нашей внутренней жизни.) Хотел бы сказать, что есть и другие попытки. Есть попытки полностью читать все по-русски, например, по книгам в переводе Адаменко (их несколько, не только та книжечка, которая была переиздана в YMCA-PRESS). Некоторые священники их используют. Однако ясно, что это еще не литургический перевод. Когда о.

Таврион Батозский под Елгавой в Пустыньке читал по-русски каноны на утрени, — а он очень широко вводил русский язык, — это было прекрасно. Когда я его слушал, а тогда он был уже старцем под 80 лет, все равно было ничего не понятно. Но все было хорошо, потому что не возникало проблем. Когда же начинаешь сам читать эти тексты, становится совершенно ясно, что их употреблять в церкви нельзя — это еще не тот русский язык.

Так вот, на мой взгляд, очень важно сейчас поддержать многочисленные и многообразные попытки, предпринимаемые в нашей церкви, сделать богослужение понятным, особенно из него самого. И все же это не будет, как я уже говорил, полным решением проблемы. Это еще не снимет с повестки дня вопроса о противоречии между «законом молитвы» Церкви и нашей внутренней и внешней христианской жизнью, для чего надо достигнуть *полноты соучастия* всего народа Божьего в происходящем за богослужением, надо достигнуть собирания воедино в Церковь, как говорится, самих душ христианских, чтобы любой человек, входящий в церковь, чувствовал, что здесь люди не чужды друг другу, что они достаточно тактичны, чтобы не лезть в душу другому, но и что они всегда готовы откликнуться, если эта душа попросит помощи.

Сейчас снова раздаются голоса о возрождении так называемой *местной соборности* в Церкви. И очень ценно то, что начинают это связывать именно с богослужением и храмом. Когда говорят, что у нас есть, например, такой обычный орган церковного управления, как приходское собрание, которое не тождественно приходу, но которое приходом управляет, то невольно возникает у всех заинтересованных людей вопрос: а чем же, собственно, приходское собрание управляет, т. е. что такое в этом случае приход? Пока, как правило, он не имеет конкретных границ, ибо нет списков прихожан, так называемых диптихов.

Существуют и проблемы собирания на местном уровне, проблемы возрождения местной соборности, многоуровневой, универсальной, а ведь в такой соборности и есть кафоличность. Мы должны увидеть, почувствовать эту кафоличность не только в книгах и в описании прошлого нашей церкви, но и в нашем настоящем, а значит, прежде всего в наших храмах, наших *общинах*, которые должны быть именно общинами, а не только приходами.

В этом состоит многообразие современных попыток решить практически сложные вопросы отношений молитвы и жизни. Наверное, имеет смысл о них лучше узнавать. Пусть они противоречивы, иногда открыто противоречивы, иногда неоткрыто, неявно. Но всем людям, которые ходят в храм, которые причащаются, нужно, наверное, быть очень заинтересованными в возрождении этой общинности, этой соборности, этой кафоличности, этой вовлеченности, этого соучастия и сослужения всех в одной жизни, в одном деле, в одной Церкви.